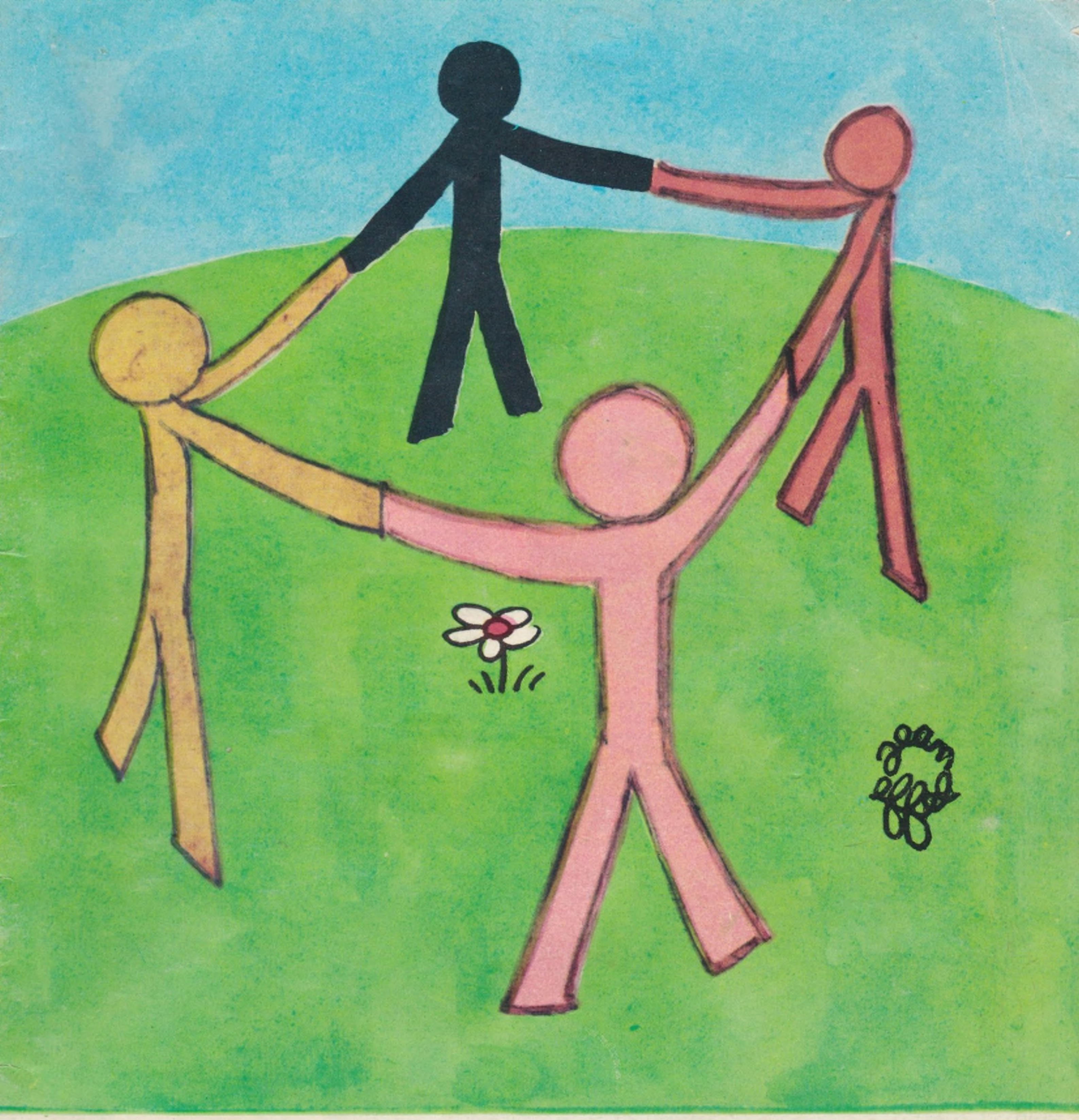

Ровесник

10/73

Ровесник

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР**

На первой странице обложки: лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» французский художник Жан Эффель сделал этот рисунок специально для номера «Ровесника», посвященного Всемирному конгрессу миролюбивых сил. В письме Жан Эффель просил передать свои лучшие пожелания читателям журнала.

2. СМОТРИТЕ!
4. ЧЕМ ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР? АНКЕТА «РОВЕСНИКА»
8. **А. Полторак.** ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО
11. **Александр Ефремов.** ПАРОХОД У ПРИЧАЛА
14. **Вадим Кассис.** ВЗГЛЯД С ТОКИО-ТАУЭР
17. **Б. Туманов.** ПОСЛЕ ЗАТМЕНИЯ...
19. **Ш. Дилени.** ПАВАНА ДЛЯ МЕРТВОГО ПРИНЦА. РАССКАЗ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. **Всеволод Ревич.** ЦЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В этом номере читайте: К открытию Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве — анкета „Ровесника“ „Чем прекрасен этот мир?“ Размышления историка о значении и перспективах политики разрядки напряженности. Репортажи и очерки из США, Японии, Мавритании.

КАЗАНЬ. В международный молодежный лагерь «Волга» в этом году в пятый раз приехали юноши и девушки из Франции. Каждый год более 500 французских комсомольцев проводят лето в этом лагере. Политические дискуссии, экскурсии по ленинским местам, добровольное участие в строительстве в фонд Вьетнама, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, с членами полка «Нормандия — Неман» — такова насыщенная программа лагеря дружбы.

На снимке: День X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в лагере «Волга».

ОСЛО. Делегаты состоявшегося здесь съезда Коммунистической молодежи Норвегии (КМН) приняли резолюцию, в которой отметили активное участие организации в борьбе против империализма, за выход Норвегии из НАТО, оказание экономической помощи ДРВ, признание Норвегией ВРП РЮВ и КНДР.

В 1903 году прогрессивная молодежь Норвегии объединилась в Социал-демократический союз, который в 1919 году был преобразован в Коммунистический союз молодежи Норвегии, получивший в 1968 году сегодняшнее название. В этом году организация отмечает свое 70-летие. Председателем КМН избран Бьёрн Науствик.

БОНН. В ФРГ началась кампания «Образование вместо бомб». Молодежные союзы крупного промышленного города Оберхаузена опубликовали совместное заявление, в котором говорится: «Постоянно растущие расходы на вооружение противоречат политике разрядки. Следствием соглашений с Советским Союзом, Польской Народной Республикой и Германской Демократической Республикой должно быть сокращение расходов на вооружение и использование высвободившихся средств на просвещение, здравоохранение и социальные нужды».

На снимке: активисты движения за укрепление мира провели 1 сентября День борьбы против войны, во время которого распространяли плакаты и транспаранты: «Больше денег на просвещение! Долой вооружение!»

МОСКВА. В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышел в свет 70-тысячным тиражом новый справочник «Зарубежные молодежные организации». Наряду с братскими социалистическими организациями в нем широко представлены молодежные союзы других стран. Среди них — социалистические, социал-демократические, христианско-демократические, молодежные секции профсоюзов и др.

ОКТЯБРЬ, 1973 ГОД (ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА)

N 10

Всемирный Молодежный Телеграф

ГАВАНА. На Кубе хорошо известна трудовая «Молодежная колонна столетия», названная так в честь 100-летия начала освободительной войны против испанского колониального владычества. Члены «колонны», которой в этом году исполнилось 5 лет, работают на предприятиях, стройках, помогают убирать урожай.

На снимке: 6-й отряд «Молодежной колонны столетия» в западной части провинции Камагуэй.

КАТОВИЦЫ. Летом прошлого года по дорогам Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Турции проследовала крытая брезентом автомашина, в которой восседали десять человек, одетых в обычную для туристов одежду: потертые джинсы и ковбойки. На оранжевом капоте нарисован огромный улыбающийся скорпион — символ польской научной экспедиции, направлявшейся в Иран для изучения основной биологической среды в районах Каспийского моря, Большой Соленой пустыни и горного массива Загрос.

Пять лет назад в Катовицах был создан Институт биологии. Студенты Шленского университета предложили за свой счет организовать экспедицию в Иран для пополнения коллекции фауны и флоры.

Дирекция автозавода в Стараховицах снабдила студентов новеньким (прямо с Познаньской ярмарки) пятитонным «СТАР-66М», а несколько фирм, производящих продукты, — консервами и пищевыми концентратами.

Работа исследователей проходила в совершенно пустынных местах, удаленных от человеческого жилья на сотни километров. Они возвратились в Польшу с богатым «уловом»: ценной коллекцией для вивария Института биологии, научным дневником в 200 страниц и документацией, обогатившей библиотеку альма-матер.

В этом году Шленский университет организовал экспедицию в Марокко и Алжир, которая закончилась 30 сентября.

МОГАДИШО. В августе — сентябре 1972 года в Сомали возникло движение «гульвадов» («гульвады» — «несущие победу»). Главная задача «гульвадов» — охрана революционных завоеваний сомалийского народа. Эти молодежные отряды помогают органам власти в борьбе с реакционными элементами, с нарушителями законности и общественного порядка, проводят воспитательную работу среди населения.

ГЕТЕБОРГ. Здесь состоялся учредительный съезд шведской организации Коммунистическая молодежь. Он принял устав и программу на ближайшие два года. В новой программе подчеркивается, что Коммунистическая молодежь — часть шведского рабочего движения, помощник Коммунистической партии Швеции в борьбе за социалистическое преобразование общества.

Неотложной задачей съезд выдвинул сплочение молодежного движения на основе марксистско-ленинского учения и призвал к укреплению связей с братскими молодежными организациями, ведущими борьбу за мир, демократию и социализм.

БУДАПЕШТ. По инициативе Венгерского коммунистического союза молодежи в мае — июне в стране проходил месячник мира и дружбы — один из важнейших этапов подготовки к Всемирному конгрессу миролюбивых сил. Были проведены научные конференции: «Настоящее и будущее Европы» и «Перспективы мира и прогресса на Ближнем Востоке».

Новой формой венгерского молодежного движения за мир стали недавно созданные клубы мира, где проводятся политические диспуты по международным проблемам.

На снимке: этот плакат признан одним из лучших на конкурсе месячника мира.

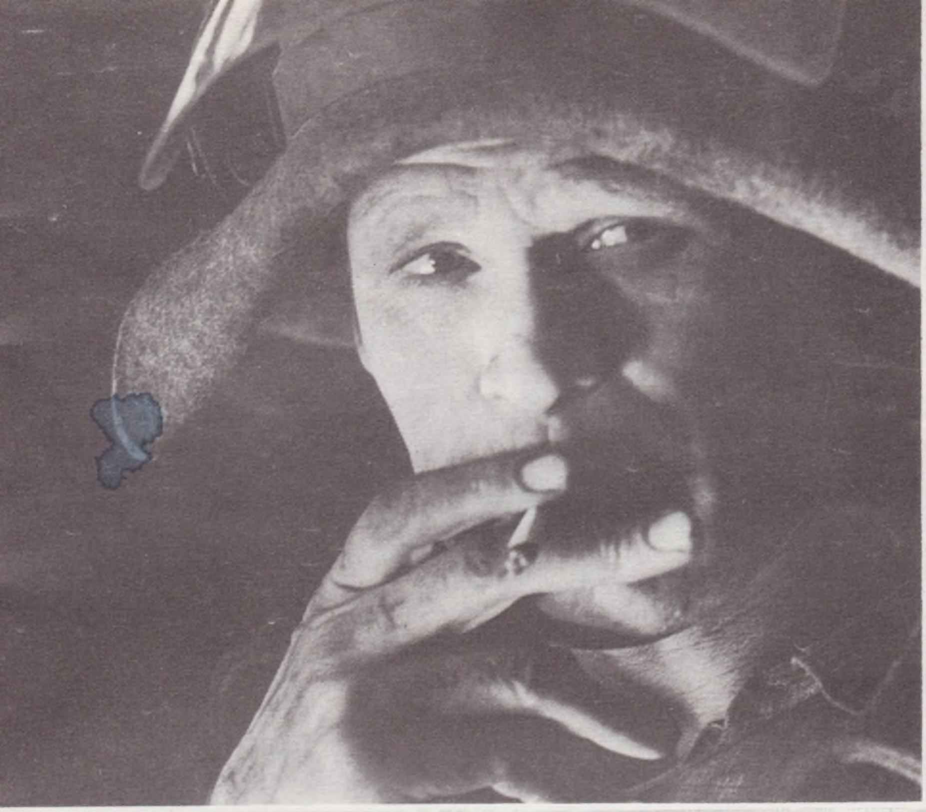
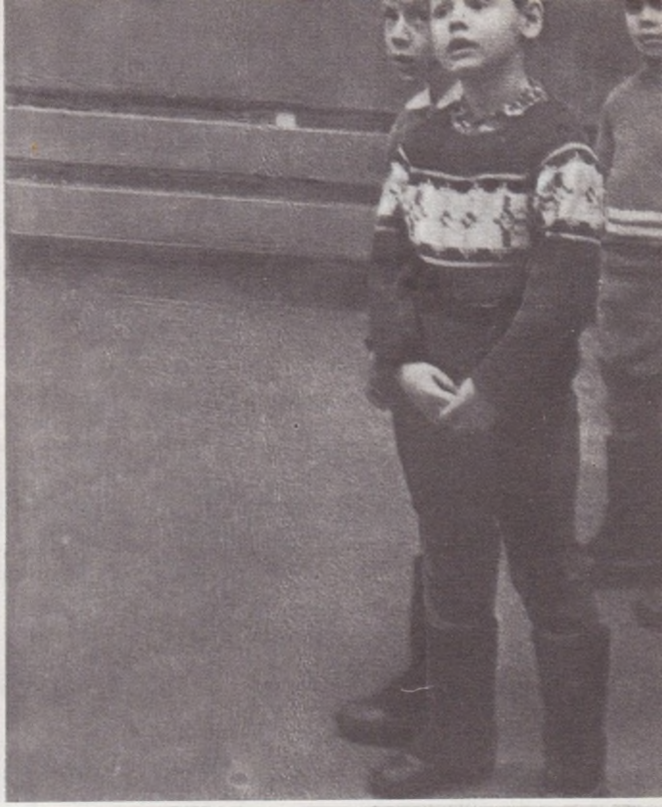
КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР!

Мы сознательно не стали иллюстрировать эту строку из всем, наверное, известной популярной песенки, видами земных красот. Потому что их бесчисленное множество. И еще, пожалуй, потому, что прекрасное в самом человеке: в его удивлении миром, в его надеждах и любви, в его трудах и замыслах, в его способности ощутить единство со всем, что его окружает, и возвысить себя до мечты.

Как прекрасен этот мир! Мы постарались передать эту истину фотографиями людей, жадно, влюбленно всматривающихся в мир, и мыслями людей, согласившихся ответить на вопрос нашей анкеты: «Чем прекрасен этот мир?»

Смотрите!

Антон Рефрежье (США). «Двое». Рисунок передан автором редакции «Ровесника».

Ольга ПОБЛЕТЕ, профессор, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Чили)

Помимо всего прекрасного, что нам дает природа, существует еще человеческое творчество, результаты поисков красоты и добра. Можно наслаждаться произведениями искусства, но прекрасна также преобразовательная деятельность человека — на заводе ли, в поле, в школе ли, в театре, в литературе ли, в изящных искусствах.

Что ценю я в этой жизни? Подлинные, искренние, братские человеческие связи.

За что, за кого считаю должным бороться? За детей, за молодежь. У меня на родине мы боремся за них, чтобы открыть перед ними все возможности, чтобы они росли и развивались истинными личностями, тесно связанными с человеческим обществом и его идеалами. Мы страдаем, видя голодного ребенка, превратившегося в умственно отсталого, потому что его организм слаб и истощен. Нам горько смотреть на молодого человека, который чувствует, что у него нет будущего, и на человека, у которого не было возможности доказать, чего он на самом деле стóит, на человека, который именно по этим причинам предается пороку, вандализму, совершает антиобщественные поступки.

Нас радует и вдохновляет, что сегодня в Чили мы видим новую молодежь среди трудящихся, среди молодых крестьян: у них сегодня свои планы на будущее, они знают, что могут учиться, что смогут вырваться из нищеты, в которой раньше, словно рабы, жили их отцы и деды.

Я часто думаю о тех великих усилиях, которые предпринимают миллионы мужчин и женщин для того, чтобы наконец-то построить для всех более гуманное, более справедливое общество, в котором так остро нуждаются те, кто до сих пор живет в зависимых и подчиненных странах.

Ольга ПАС КОВАСЕВИЧ ЭСПИНОСА, школьница, 11 лет

Когда человек здоров духом, природа и окружающий его мир представляются ему прекрасными. Красота не в деньгах и подарках, а в любви и привязанности других людей. Когда мы видим цветущий сад, только что распустившиеся цветы или маленького ребенка с его матерью, мы с нежностью думаем: как прекрасен этот мир!

Красоту жизни можно видеть и в пустяках, случающихся ежедневно в жизни каждого человека: когда я встречаюсь с друзьями в школе, когда я вижу старшего брата, играющего с собакой как с другом, когда мой младший братишка пристает ко всем с вопросами обо всем на свете, когда наша мама нежно заботится о нас, а мы лежим больные, когда мы с папой ходим гулять по субботам и воскресеньям...

Я не бывала в других странах, но на разных открытках, фотографиях, в кинофильмах я видела прекрасные снежные вершины, пляжи с голубым морем, гигантские леса. И я бы хотела увидеть их на самом деле.

Вообще есть вещи, которые портят наш мир, делают его не таким прекрасным: болезни, смерти, войны и голод. Но один раз я видела фильм о войне, где дети играли так же, как мы, хотя рядом с ними падали бомбы. Наверное, это потому, что у них есть потребность жить, и все на нее имеют право, и поэтому эти дети были прекрасны.

Пусть же все мы будем думать, что наш мир — это сад, о котором надо заботиться, чтобы весной в нем выросли самые большие и красивые цветы. Когда-нибудь будет так.

От редакции:

Интервью с Ольгой Поблете и ее внучкой Ольгой Пас Ковасевич Эспиноса редакция получила за месяц до военного путча, совершенного реакцией в Чили.

Антон РЕФРЕЖЬЕ, художник (США)

Недавно мне пришлось пережить весьма напряженные дни — я перенес одну из самых серьезных, а может, и самых трудных операций — операцию на открытом сердце. И хотя выживает после такой операции больше 94 человек из ста, серьезность ее подвела меня вплотную к мысли о жизни и смерти.

И вот я просыпаюсь после операции. В ту минуту я испытал величайшее счастье и радость оттого лишь, что жив. И еще огромное желание жить полно и жить без промедления, без остатка — все сделать, чтобы не жить в мерзости. Иными словами, я почувствовал потенциальную красоту жизни, потенциальную ее чистоту, которую всегда видели поэты и вообще художники — люди постоянного поиска, и революционеры — люди, готовые пожертвовать жизнью ради идеалов.

ЧЕМ ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР?

(ОТВЕЧАЮТ ОТЦЫ И ДЕТИ)

РЕДАКЦИЯ «РОВЕСНИКА» ОБРАТИЛАСЬ К РЯДУ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ, К ЛЮДЯМ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА С ПРОСЬБОЙ ОТВЕТИТЬ НА ОДИН ВОПРОС — «ЧЕМ ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР?» НА ЭТОТ ЖЕ ВОПРОС МЫ ПОПРОСИЛИ ОТВЕТИТЬ ИХ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ.

МЫ ЗАДАЛИ НАШ ВОПРОС В КАНУН ИСТОРИЧЕСКОЙ ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ — ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ — ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПОТОМУ, ЧТО НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРЕКРАСНОГО МИРА БЕЗ МИРА НА ЗЕМЛЕ. МЫ ЗАДАЛИ НАШ ВОПРОС ЛЮДЯМ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ И РАЗНЫХ СТРАН ПОТОМУ, ЧТО ДЕЛО МИРА И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА ЕСТЬ ДЕЛО КАЖДОГО И ДЕЛО ВСЕХ. МИЛЛИОНЫ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОТОРЫХ СОБЕРУТСЯ В ОКТЯБРЕ В МОСКВЕ, ЖАЖДУТ МИРА И БОРЮТСЯ ЗА МИР, ОТСТАИВАЯ ТЕМ САМЫМ ДЛЯ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ ТО, ЧТО ДОРОГО ИМ, ИХ ОТЦАМ И МАТЕРЯМ, ИХ ДЕТЯМ И ВНУКАМ, ТО, ЧЕМ ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР.

Увы, довольно скоро я потерял то чувство первого дня возвращения к жизни. Ведь каждодневная жизнь со всей своей сложностью человеческих отношений способна принизить, заземлить — даже против воли человека — самые возвышенные намерения. Но единожды мы осознаем, как прекрасна жизнь, а правильнее сказать — как прекрасна она может быть, как мы непременно осознаем и необходимость сохранения всего того, что есть в ней стоящего, необходимость борьбы за лучшее. Видите ли, человеческий ум, культура, внутренний мир человека позволяют ему заглянуть в гораздо более совершенную жизнь, нежели та, что лежит в пределах его досягаемости. Человек всегда, даже пребывая в полной темноте, боролся за эту лучшую жизнь, хотя на ранних стадиях цивилизации совершенство человека отождествлялось с совершенством различных фантастических богов.

Что на самом деле прекрасно в жизни, так это возможность сделать ее таковой. И еще, на мой взгляд, прекрасной жизнь делает та преданность идеалам совершенного общества, которую демонстрируют общества, строящие социализм и коммунизм.

Бриджит РЕФРЕЖЬЕ САТТОН

Я почувствовала, что выросла и начала понимать жизнь, когда впервые ощутила острое несогласие с теми людьми, которых мы называем реакционерами, с теми, кто ненавидит меньшинства, кто эксплуатирует других. Мне и моим братьям повезло с родителями — они воспитали в нас это чувство.

Взрослея, я стала вместе с отцом принимать участие в демонстрациях, и первую из них я никогда не забуду: это была демонстрация в Вашингтоне в защиту гражданских прав людей с черной кожей. Это та самая демонстрация, на которой со ступенек Линкольнского мемориала выступал Мартин Лютер Кинг. Позже я принимала участие и в демонстрациях против войны во Вьетнаме.

Вместе с младшим братом я была на Всемирном фестивале молодежи в Софии, где смогла познакомиться с молодежью всего мира. Я убедилась в том, что дружба между людьми может обеспечить прочный мир, а он для меня — самая прекрасная вещь на свете.

С тех дней в моей жизни многое изменилось: я вышла замуж, у нас маленький сын, и мы ждем второго ребенка. Так что моя заинтересованность в мире стала еще глубже.

Цола ДРАГОЙЧЕВА, член Политбюро ЦК БКП, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

Природа благоволит ко мне. Мне уже семьдесят пять, а я чувствую себя все такой же здоровой и сильной. Как и много лет назад, мой рабочий день полон напряженных дел.

Два смертных приговора, долгие годы тюрьмы, концентрационные лагеря, преследования и безработица были бессильны перед жившей во мне верой, что в моей стране победит дело, начатое Великой Октябрьской социалистической революцией.

Разве не прекрасно, мои дорогие молодые друзья, после всего этого остаться в строю, жить полной жизнью, испытывать радость оттого, что служишь высоким идеалам нового мира, испытывать величайшее, ни с чем не сравнимое счастье оттого, что ты полезен и нужен людям?

Сегодня прекрасный мир социализма уже реальность, и сотни миллионов людей нашей планеты испытывают радость его созидания. А когда-то он существовал лишь в мыслях и мечтах передовых людей. Путь человечества усеян костями этих людей, героев известных и безымянных, шедших на смерть во имя завтрашней счастливой жизни. Нужно было преодолеть горы трудностей и океан злобы, нужно было сражаться, падать, вставать и снова шагать по суровым дорогам борьбы.

Торжество Великого Октября было одной из вершин в вековой истории человечества. Восхождение на эту вершину было вместе с тем началом колоссального движения, охватившего весь мир, и оно неизбежно должно было указать людям новые вершины.

Социализм победил и на земле Димитра Благоева и Георгия Димитрова. Сквозь десятилетия кровавых битв болгарские коммунисты привели трудовой народ своей страны к величайшей победе в его многовековой истории — победе восстания Девятого сентября 1944 года.

Наше боевое братство родилось в гигантской битве с фашизмом, ознаменовавшейся великой победой Красной Армии. А вскоре это боевое братство стало братством мира, дружбы и созидания. Для болгарского народа и болгарских коммунистов прекрасный мир социализма из мечты превратился в земную реальность. Этот мир прекрасен потому, что царство гнета, лжи и рабства, завещанное прошлым, оказалось не вечным. Прекрасен потому, что на Земле есть мир свободы, где люди уважают друг друга, где процветают дружба и братство народов. И надежда, что он восторжествует на целой планете, стала земной и реально осуществимой. Мир прекрасен потому, что у него есть будущее...

Я переживаю огромную радость в связи с большим праздником солидарности народов — Всемирным конгрессом миролюбивых сил, созванным в Москве. Человечество верит в будущее, решительно сражается за него. И я верю: мир без войн, в котором восторжествуют справедливость и свобода, непременно будет создан на Земле.

Но чтобы мир был по-настоящему прекрасен, нужен и твой вклад, мой молодой друг. Нужно, чтобы ты понимал, чувствовал, что и ты необходим миру... Что ему нужны твой ум, воля, знания, принципиальность и любовь. Нет прекрасного вне волнений реального мира, вдали от борьбы, терзаний, стремлений, восторгов. Счастье вне всего этого — просто химера. Несчастен тот, кто прожил жизнь, не познав этой истины...

Именно эту мудрость мы, старшее поколение, можем с чистой совестью завещать потомкам.

Чавдар ДРАГОЙЧЕВ, профессор медицины (Болгария)

Мир прекрасен утренними и вечерними зорями и бескрайностью моря, шумом леса и ароматом цветов, сиянием солнца и светом луны. Но не для всех. Для голодного и бездомного мир враждебен. Для всех тех, у кого над головой разрываются бомбы, мир ужасен. Для пресыщенных бездельников мир скучен.

Мир прекрасен любовью. Лейла и Меджнун, Тристан и Изольда, Ромео и

Джульетта... Мы знаем и помним: в голодные 1929—1930 годы рабочие Иванова собрали средства и построили детский дом для детей революционеров всего мира, для тех, чьи родители погибли в неравной борьбе или заживо гнили в застенках капитала. Вот это была любовь! Выше личной, прекрасная в своей скромности, интернациональная, всечеловеческая любовь, о которой мечтали Шиллер и Бетховен.

Мир прекрасен победой в борьбе за правое дело... 1944 год. Август. В Болгарии невероятная жара. Но еще жарче накал политических страстей. Идет предвыборная кампания. Против прогрессивных сил во главе с Рабочей (коммунистической) партией ожесточенно борется все старое — от социал-демократов правого толка до махровых реакционеров-монархистов. В одном придунайском селе — митинг. Это уже третий сегодня. Впервые вижу свою мать вдохновенным оратором. Она словно слилась со своими слушателями, она — сама страсть, хотя уже охрипла и потихоньку сплевывает кровь, идущую из горла. Митинг окончен. И вдруг вижу, как маму подняли на руки, ее несут три женщины, одетые в черное. Это те, которые в борьбе с фашизмом потеряли мужей и детей, у которых сожжены дома. Они плачут и улыбаются, они победили, и свою победу они никому не уступят.

Мир прекрасен хорошо сделанным делом. Шьете ли вы обувь или собираете автомобиль, выращиваете хлеб или пишете стихи — каждый раз, когда вы делаете это особенно хорошо, вы создаете прекрасное. И на душе у вас хорошо, и мир тогда прекрасен... Мать всю жизнь боролась против социальной несправедливости, за победу социализма в нашей стране. Нашему поколению досталась уже более легкая доля — строить новую жизнь. Но несправедливость в мире еще не побеждена, она существует. И одна из личин ее — болезни. Женщина с трепетом ждет ребенка, и вот он рождается — с пороком сердца! Молодой человек, полный творческих планов, только начавший жить, поражается тяжелым недугом... О врачах написано много, и что ни скажешь, прозвучит банально. И все же, когда после тяжелой операции больной, чуть приоткрыв глаза, еще затуманенные наркозом, улыбается вам, слабо жмет руку и бормочет: «Спасибо, доктор», — это прекрасно.

Джеймс ОЛДРИДЖ, писатель и публицист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Англия)

В начале июля этого года ко мне в Лондон приехала из Австралии моя старшая сестра, которую я не видел вот уже двадцать шесть лет. Я, правда, видел ее недавние фотографии, так что, в общем-то, я не боялся не узнать ее, хотя она и старше меня на десять лет. В чем я не был уверен, так это в том, что она узнает меня. К счастью, сестра приехала не одна, а прихватила с собой одну из племянниц. И вот когда они вдвоем появились из дверей таможни, первой меня узнала именно племянница — ей были знакомы мои фото. Так или иначе не прошло и часа, как мы уже оживленно разговаривали, наперебой вспоминая прошлое. Как будто расстались только вчера.

О чем же был наш разговор?

Конечно же, о нашей юности, о нашем заброшенном австралийском городке, в котором мы когда-то жили, о разных людях, о нашей семье, друзьях, о разных милых сердцу местах и о том, что теперь со всем этим стало. Хотя моя сестра и не живет больше в том городке, о тамошних переменах ей постоянно сообщают ее давнишние знакомые. Так что нет ничего удивительного в том, что я дня на два — на три погрузился в воспоминания о людях и вещах давно забытых: ведь так всегда случается — одно тянет за собой другое. И вот я узнаю, что дом, в котором жил, перенесли из одного конца города в другой, что многие из моих школьных друзей умерли и что там, где раньше были пустыри, теперь сплошь дома, что изменились, наконец, сам ритм и стиль жизни города и его обитателей.

И когда мы уяснили для себя эти детали и эти факты, мы не смогли не задать себе совсем другого вопроса. Мы решили немного пофилософствовать о том, что же представляла собой та прошлая жизнь и почему она была нам так по душе. Короче говоря, мы спросили себя: чем прекрасен был тот мир для нас? Ведь мы, в конце концов, росли в очень трудное время. Проклятие мирового кризиса для нас было проклятием безработицы и будущего без надежды. В Европе поднимался нацизм. Наш городок отказывал нам даже в малейшем шансе. И все же что-то вселяло в нас чувство уверенности в том, что вся жизнь у нас впереди, а мир сам по себе — отличная штука.

Пытаясь объяснить себе это ощущение, мы в конце концов остановились на двух обстоятельствах. Прежде всего тому «виной» была прекрасная, не испорченная еще земля, вообще природа, окружавшая нас, и относительная простота жизни. А вторым обстоятельством были люди, жившие в нашем городе, и то, как они жили. Я не хочу сказать, что город наш был совершенством, да и люди, понятно, попадались разные — одни хорошие, другие плохие, одни богатые, другие бедные. А жизнь наша частенько и нам казалась глупой и ограниченной. Но дело все в том, что мы чувствовали себя частью всего, что происходило, и это социальное окружение было таково, что не позволяло нам оставаться в изоляции, отчуждении или даже просто в отрыве от тех, кто жил вокруг нас, — даже если это были люди, которые нам не нравились.

В конечном итоге мы поняли, что все наши радости, огорчения, все приятное и неприятное принадлежало не только нам, но и другим людям. Мы нутром чувствовали остальной мир. Нигде в мире не было благополучия, и мы это знали по себе. Мои ранние воспоминания о японской агрессии в Маньчжурии относятся именно к тем далеким идиллическим дням, что я провел на нашей реке. Мы ощущали, как большой мир вторгается в наш собственный — скромный, но любимый нами. И если мы на что-то надеялись, так это не просто на наше собственное безоблачное будущее, а на то, что мир найдет верную дорогу, — иначе нам несдобровать.

Не скажу, что это была осознанная нами философия, просто мы всегда принимали ту или иную сторону, когда речь шла о правом или неправом. Если вы спросите меня сейчас, что сделало для меня жизнь достойной жизни, то я отвечу, что это было понимание, к которому я пришел сам, истоков несправедливости, угнетения, жестокости и войн. И даже — что еще более важно — понимание того, как человек может изменить общество, чтобы покончить с угнетением и войной. Жизнь для меня началась с того момента, когда я понял, в чем наши беды и как их победить.

Собственно говоря, мы ведь тогда с сестрой обсуждали те ценности, которыми мы научились дорожить. И это ведь не только наша юность, потому что юность без здорового природного окружения, без веры в других, без надежды на мир, без самого активного проникновения в ее течение — такой юности не бывает. Что делало мир для нас прекрасным, так это наше растущее осознание его. Каждый день был открытием. И если мне придется измерять степень привлекательности мира для меня сегодня, то я буду измерять его открытиями, которые успел сделать.

Несчастье все в том, что пока бо́льшая часть людей вообще не имеет каких-либо возможностей открыть этот мир для себя. Нищета — не та отправная точка, чтобы совершать открытия. Неуверенность — тоже. Человек раскрывается лишь тогда, когда он способен создавать естественные, надежные и перспективные для себя условия. Наша первая мечта — по-прежнему на Земле. Наша вторая мечта — в космосе. Наша первая мечта — по-прежнему человек. Вторая — его пути-дороги. Мир прекрасен до той самой поры, пока он не становится отвратительным. И человеку стоит жить, пока у него есть возможность бороться против всего, что есть в этой жизни отвратительного, бороться за то, чтобы каждый смог наслаждаться лучшим, что есть в природе, лучшим, что есть в самой жизни.

Томас ОЛДРИДЖ, студент факультета зоологии и биологии

Мой отец вырос в провинции, и вырос в то время, когда все казалось относительно простым. Я же рос в основном в городе (Лондоне), и рос в то время, когда, как мне кажется, стало сложнее. Но, несмотря на это, я готов согласиться со всем, что отец здесь сказал, при одной разве что оговорке: он говорит об этих всех вещах куда более романтично, чем я. Может, в этом и кроется различие между нами. Возьмем, к примеру, загрязнение среды. Отец говорит о природе так, будто она всегда была и всегда останется. Мы же обнаружили, что природу надо защищать в ничуть не меньшей степени, чем самого человека.

Жизнь не всегда прекрасна. И я не уверен, что был бы в восторге, если бы она и в самом деле была прекрасна. Я имею в виду романтический смысл этого слова. Я вообще не думаю так о жизни — прекрасна ли она или отвратительна. Я думаю, что жизнь — это жизнь, а все то, что с ней происходит, походит на то, что происходит с некоторыми лесами: иногда их срубают под корень,

иногда оставляют стоять. Все зависит от того, полезны ли они. То же, похоже, случается с людьми. Общество, не церемонясь, использует людей в зависимости от того, насколько они для него полезны. Может, это и не совсем хорошо, во всяком случае, наше западное общество с людьми поступает жестоко. С одной стороны, оно холит наш индивидуализм, с другой — оно сметает целые леса человеческих судеб и жизней, не моргнув при этом глазом. Шкала ценностей сбита, концепции ошибочны.

Все, что делает человека правым, делает наш мир прекрасным. Наша жизнь здесь полна несправедливостей, как маленьких, так и больших. Но все они, по сути, одно и то же. Что нас особенно злит, так это, как людей водят за нос, обманывают, держат в темноте. Это ли не отвратительно! Может, и нет вовсе на свете такой штуки, такого единого понятия, как прекрасное. По крайней мере, я не думаю, что это слово можно употреблять настолько широко и универсально. Но если и существует что-то, что делает мир прекрасным, так это простая мысль, что человеку вовсе не обязательно быть животным, что нет никакой необходимости для человека поддерживать собственное невежество.

Так что жизнь потому и стоящая штука, что существует сам человек. Возможно, животные и чувствуют красоту мира, но они не в состоянии сознательно создавать ее. Все лучшее, что есть в человеке, и составляет красоту мира. На этом я и стою.

Акиро КУРОСАВА,
кинорежиссер (Япония)

Может быть, читателям «Ровесника» покажется странным, но я бы хотел, прежде чем ответить на вопрос журнала, дать толкование моего имени. «Акиро» означает «светлый, ясный, светить», а иероглифы «Куросава» — «Черная равнина». Равнина бывает черной, только когда она не освещена. Поэтому сочетание иероглифов, в котором сначала стоит имя Акиро, а потом Куросава, можно интерпретировать как «Черная равнина, над которой разливается свет». Мир, в котором мы живем, наш дом, был бы мрачен и неуютен, если бы над ним не светило солнце, дающее свет, тепло.

Но, всегда помня о том, что не имя красит человека, а человек имя, я постоянно своим творчеством стараюсь принести людям хоть немного света, дать человеку дополнительные силы и возможность более рельефно увидеть окружающую действительность.

Я считаю, что общество добра воспитывает в человеке высокие гуманные и нравственные чувства. Они, в свою очередь, создают предпосылки для благополучия, высокого одухотворенного созидания. В своем творчестве я пользуюсь этой формулой, с помощью которой легче трактовать языком кинематографа картину современного мне общества, мира, в котором мы обитаем.

Мир этот бывает велик и прекрасен, но порой и жалок. Все зависит от того, какие силы в тот или иной момент одерживают верх. Убежден, что только у сил прогресса есть будущее, и потому перед молодым поколением нашей многострадальной Земли открываются самые прекрасные перспективы, самые широкие «равнины», над которыми постоянно будет литься могучий, всепобеждающий свет. Это не значит, конечно, что радость и счастье сами по себе свалятся с неба и вымолвят, как в сказке: берите нас, пользуйтесь нашими щедротами. Обретенное счастье легко потерять, если почивать на лаврах.

Поясню на примере природы, которую я очень люблю. Когда-то в моем родном Токио дышалось гораздо легче, чем теперь. Хозяева монополий, заводчики в погоне за прибылью загрязнили атмосферу. В мире капитала бороться с этим монстром трудно. Но мы будем бороться. Иное дело в вашей стране, где хозяин всему — сам человек, а не деньги, которые он чеканит для того, чтобы в конечном итоге закабалить себя.

Сейчас я приступил совместно с советскими друзьями к созданию новой киноленты по мотивам книги В. Арсеньева «Дерсу Узала». Мой замысел состоит в том, чтобы показать: человек нравственно, духовно связан с природой, он ее частица. И если природа чахнет, увядает под действием разрушающих сил, то вместе с ней погибает и человек. Это как эхо в горах: крошечный камешек, брошенный путником, вызывает обвал, под обломками которого гибнет и сам незадачливый путник. Поэтому, создав дом, который мы любим, хотим сделать еще более прекрасным, мы должны всегда помнить о том, что его надо беречь, бороться за него. Так оно есть и будет. Человеком-борцом — вот чем прекрасна наша планета!

Кадзуко КУРОСАВА,
учащаяся, 18 лет

Самое прекрасное на нашей планете? Ну конечно, жить, дышать воздухом, творить. После окончания средней школы второй ступени я не пошла учиться в университет. Объясню почему. Я решила стать модельером женского платья. С трехлетнего возраста отец старался привить мне любовь к рисованию. Он сам хорошо рисует и часто повторяет, что, если бы он не стал кинорежиссером, был бы художником. По-моему, каждый режиссер должен уметь рисовать. Взять вашего великого Эйзенштейна. Он ведь был замечательным художником!

Отец научил меня находить и видеть в природе прекрасное, воспринимать нашу землю даже несколько опоэтизированно. Но это, мне думается, не порок. Очень надеюсь, что эта черта моего характера поможет мне стать приличным модельером. Правда, для этого нужно прежде всего учиться. Я только что поступила в специальную школу модельеров «Сан дизайн», но этого будет мало. Мечтаю потом поехать доучиваться в Париж, а работать буду только у себя на родине — в Японии. Я хочу, чтобы мои сверстницы, да и женщины старшего поколения, одевались лучше, красивее. Ведь кимоно в Японии носят уже далеко не все, а чтобы конструировать платья европейского покроя, надо многое знать, видеть, чувствовать, уметь. Женщины украшают наш дом, нашу планету. Пусть же они будут нарядными.

Тур ХЕЙЕРДАЛ,
ученый, путешественник
(Норвегия)

Природа — вот, что я ценю больше всего на свете. Все мои исследования и экспедиции в основном были посвящены одной проблеме — тому, как человек издревле приспосабливался к природе и как природа обычно оказывалась ему не врагом, а другом и помощником до тех пор, пока он шел с ней, а не против нее. В этом смысл моих экспедиций на «Кон-Тики» и «Ра» — я шел с природой рука об руку, а не сражался с ней.

Проведя год вместе с коренным населением Маркизских островов, в тесном контакте с природой, я заметил, что в тропическом поясе ветры и течения постоянно направлены с востока на запад; это объясняется вращением Земли. Я заметил, что естественное направление дрейфа в этой области — из Южной Америки на запад; между тем господствовавшие теории утверждали, что аборигены пришли сюда на открытых лодках с другой стороны, из Юго-Восточной Азии, что плавание из Южной Америки было невозможным, потому что древние культуры Америки до прибытия европейцев располагали только лодками и бревенчатыми плотами. Я усомнился в старой догме, родившейся в умах людей, которые никогда не жили в тесном контакте с полинезийцами и тамошней природой. Построив плот «Кон-Тики», я за 101 день прошел 8 тысяч километров до Южной Полинезии, чтобы доказать, что человек, даже располагая самыми примитивными средствами, мог пересечь океан, применяясь к местной природе.

Убедившись, как легко древнее суденышко могло одолеть океан, послушно идя с течением и ветрами, я недавно решил проверить — может быть, и Атлантику можно было пересечь на самых примитивных судах, известных первым мореплавателям древнего Средиземноморья? Построил папирусную лодку вроде тех, какие использовались представителями древнейших цивилизаций от Месопотамии и Египта до Атлантического побережья Марокко. Обладая минимальным опытом, мы со второй попытки достигли тропической Америки, отплыв из Северной Африки.

Моя повседневная жизнь тоже во многом определяется моей любовью к природе. Городу я предпочел маленькую горную деревушку в Италии, где я могу спокойно работать в окружении прекрасной природы. Из окон моего кабинета открывается вид с одной стороны — на дикие горы, плодородные долины и леса пиний, с другой — на просторы Средиземного моря. Эти картины придают мне душевные силы и равновесие, когда я часами сижу за письменным столом. Ну а

после работы природа позволяет мне поразмяться, копаясь в земле.

Тур ХЕЙЕРДАЛ-младший, преподаватель университета

Красота мира заключена для меня в самой природе, будь то дикая или облагороженная человеком. И дело не только в эстетических впечатлениях от форм и красок, не только в радушии зеленых полей и ослепительных пляжей. Красота заключается прежде всего в сознании, что все живое существует в целесообразной гармонии с окружающим, по законам самой природы, существует друг для друга, с помощью друг друга, обходясь без полного взаимного уничтожения.

Для меня человек — частица мироздания. Вот почему культурный ландшафт может радовать меня не меньше, чем нетронутая природа. Многообразное, продуманное земледелие вполне вписывается в природную гармонию Равновесие всегда можно восстановить даже при смещении центра тяжести, только бы человек оставался в ладу с природой и не шел против нее.

Мир, в котором все формы жизни сотрудничают, мир разносторонней и сбалансированной гармонии — вот для меня верх красоты. Моя любовь к природе родила во мне желание побольше узнать о ней. И я занялся естественными науками.

По-моему, нашему обществу с его увлечением техникой важно, как никогда, побольше узнать о природе, о месте человека в природе. Современным цивилизациям стоит поучиться у первобытных народов жить в ладу с окружением, а не спорить с ним. Это необходимо для существования нашей культуры.

Почерпнутые мной знания я стараюсь передать другим, работая преподавателем университета, публикуя статьи и читая лекции. Стараюсь сделать то, что зависит от меня, чтобы наука, называемая экологией, не была только достоянием ученых, чтобы с ней был знаком всякий образованный и культурный гражданин.

Расул ГАМЗАТОВ, народный поэт Дагестана, член Президиума Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской премии

Чем прекрасен мир — значит, что нравится, что я люблю, что наполняет душу счастьем? Такая тема достойна венка сонетов. Поглядите, может быть, так:

В минуту горькую хандры
Или душевного ненастья
Сотри случайные черты,
И ты увидишь — мир прекрасен.

Тема неисчерпаема, и люди неспроста задумываются над этим вопросом. Я уже не раз пытался ответить на него. Мой поэтический ответ славит любовь. Однако ответ на такой вопрос можно бесконечно дополнять.

Но, как я понимаю, ответ на вопрос «Ровесника» не обязательно должен носить энциклопедический характер. Жизнь прекрасна в миллионах форм и проявлений. Чем же прекрасен этот мир для меня, только что отметившего свое пятидесятилетие?

Я счастлив, что у меня растут трое дочерей, которых я очень люблю. Что есть друзья и что существует такое интересное занятие, как ходить в гости. Что рецепты, которые выписывал Авиценна, неспроста были написаны стихами. Что иногда удается написать что-нибудь путное. И что на Земле сейчас — мир.

Только нужно изо дня в день помнить: все, чем прекрасен наш мир, нужно оберегать, ибо все прекрасное легкоранимо, а мир нуждается в надежной защите всех добрых людей Земли.

Я счастлив сознанием того, что именно в моей стране, в моей краснозвездной Москве собрались сегодня эти люди, делегаты Всемирного конгресса миролюбивых сил. И я знаю: благородное дело борьбы за мир, ставшее делом их жизни, обязательно возьмет верх над силами войны.

Зарима ГАМЗАТОВА, студентка педагогического института

Я еще не так хорошо знаю мир, чтобы с легкостью ответить на этот вопрос. Но в мире есть, думается, много прекрасного. Очень много такого, о чем мы говорим: «прекрасные минуты, прекрасные часы».

Мир скрывает в себе тысячи прекрасных открытий. Разве это не открытие для пятилетнего малыша, когда ему объясняют, к примеру, как гусеница превращается в бабочку? Или когда он впервые узнает, как распускаются цветы и зачем к ним прилетают пчелы? А разве это не открытие, когда человек узнает, что за горной грядой, что вблизи селения, идет новая гряда и что мир, в котором он живет, огромен и многолик?

Конечно, многие открытия человек делает непроизвольно, то есть его подводят к ним старшие и опытные люди. Его учат в школе законам Архимеда и Ньютона, объясняют, кем были Бойль и Мариотт и что такое таблица Менделеева.

Но, я думаю, для главного открытия мало быть сообразительным, усидчивым. И мускульных усилий тоже недостаточно. Для этого главного открытия нужно еще чутье. Оно помогает нам в открытии и распознании человеческой натуры. Ведь человек за свою жизнь исходит и изъездит много дорог, повстречает много тысяч людей. И мир покажется ему прекрасным оттого, что ему повстречается немало людей настоящих. И чем их больше, тем мир каждого отдельного человека прекраснее. Если же меня спросят о главном качестве «настоящего человека», то я отвечу: чтобы он не был эгоистом и думал не только о себе, чтобы он мог взять своим девизом такие слова: «Люди, люди, высокие звезды, долететь бы мне только до вас».

И поэтому тот человек мне кажется по-настоящему счастливым и та жизнь прекрасной, где до конца остаются вера и любовь к людям.

ТРЕТЬЕГО

26 июля 1946 года. Город Нюрнберг. Здесь в зашторенном зале Международного военного трибунала идет судебный процесс над главными военными преступниками гитлеровской Германии. Подводится итог нацистским преступлениям, поставившим под угрозу человеческую цивилизацию.

На трибуне Главный советский обвинитель Р. А. Руденко.

— Впервые перед судом, — говорит он, — предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений.

Главный обвинитель от Соединенных Штатов Роберт Джексон, обрисовав ужасающие масштабы гитлеровских преступлений, заявляет:

— Положение вещей таково, что взятая в перспективе история нашего столетия не будет выглядеть с благоприятной стороны, если вторая его половина не искупит пороков первой.

Увы, последовавшие два с лишним десятилетия не искупили «пороков», о которых шла речь в Нюрнберге. Реакционные круги той самой страны, которую

НЕ ДАНО

Для нас, советских людей, активная борьба за мир — это отнюдь не временная, конъюнктурная задача. Это наш принципиальный, сознательно определенный, постоянный курс, который мы проводим в братском единстве со всеми странами социалистического содружества.

Из речи Л. И. БРЕЖНЕВА во время вручения международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

на суде представлял Роберт Джексон, не считаясь с уроками второй мировой войны, развернули гонку вооружений, причем теперь уже на новой, атомной основе. И это в то время, когда люди еще не оправились от потрясений после трагедии Хиросимы и Нагасаки — городов, испепеленных атомными бомбами. Вскоре появилась водородная бомба. Менее чем через четыре года после испытания первой водородной бомбы сенатская комиссия по делам вооруженных сил конгресса США запросила у военных разъяснений по поводу возможных последствий ядерной войны. Сенатор Даф поставил этот вопрос перед тогдашним начальником армейского Управления планирования и совершенствования генерал-лейтенантом Джеймсом Гэвином.

Ответ генерала был предельно краток:

— Число убитых составит несколько сот миллионов человек.

Казалось бы, куда уж яснее? И все же буржуазная печать, стоящая на службе у монополий, стала пытаться преуменьшить опасность ядерной гонки. Напротив, убеждала она обывателя, сам факт существования ядерного оружия служит «сдерживающим началом».

Увы, история учит другому.

В 1866 году Альфред Нобель создал средство разрушения, названное им динамитом. «Может быть, мои заводы, — заявил он, — покончат с войной. В тот день, когда два крупных армейских соединения смогут мгновенно уничтожить друг друга, все цивилизованные нации придут в ужас и распустят свои армии».

Войны, вспыхивавшие в разных частях земного шара в конце XIX — начале XX века, и, наконец, первая мировая война развеяли эти иллюзии. Так может ли человечество позволить себе заблуждаться относительно «спасительной роли» ядерного оружия, несравненно более мощного, чем динамит Нобеля?

Ядерная война означала бы катастрофу с непредсказуемыми последствиями для всего живого на Земле. А накопленные запасы ядерного оружия во всем мире уже настолько велики, что эквивалентны 60 миллиардам тонн тринитротолуола, то есть 20 тоннам взрывчатого вещества на душу населения.

Ученые подсчитали, что в городе с 8-миллионным населением только одна 20-мегатонная бомба убила бы 6 миллионов человек.

Случись ядерная война, радиация причинила бы страдания и тяжкие недуги не только тем, кто останется в живых, но и грядущим поколениям. Как сказал однажды Фредерик Жолио-Кюри, это было бы время, когда живые позавидовали бы мертвым.

Наиболее реакционные силы империализма толкали человечество на путь, грозивший новой, на этот раз ядерной войной. Опасность усугублялась «локальными войнами» империализма, которые то и дело вспыхивали в разных концах земного шара. В Европе напряженность нагнетали реакционные круги Западной Германии, открыто провозгласившие реваншистский курс, настаивавшие на перекройке европейских границ. За океаном в атмосфере антикоммунистической истерии родилась политика «балансирования на грани войны», призванная сплотить мировую реакцию против Советского Союза и стран, вступивших на путь строительства социализма. Страх перед растущими силами социализма и национального освобождения толкнул империалистов на военную авантюру в Корее, на агрессию против вьетнамского народа.

Если еще учесть, что в создавшихся условиях крупные империалистические державы упорно отвергали любые предложения Советского Союза и других миролюбивых стран, направленные на оздоровление международной обстановки, на разоружение и запрещение оружия массового уничтожения, то понятно, в каком опасном направлении двигался мир.

Только на фоне этой исторической обстановки можно правильно оценить события самого последнего времени, в сущности последних двух лет, когда идея международного сотрудничества стала брать верх над бесперспективной и опасной политикой конфронтации.

Предпосылки нынешних международных перемен созрели независимо от желания или нежелания тех кругов, которые определяют политику западных держав. Речь идет прежде всего об объективном историческом процессе изменения соотношения сил в мире не в пользу империализма.

В огромной степени возросла экономическая и военная мощь Советского Союза и всей мировой системы социализма. Социалистическое содружество государств стало решающим фактором мирового развития, а международное коммунистическое движение — самой влиятельной политической силой современности. Огромных успехов добились национально-освободительные движения, на обломках колониальных империй возникли независимые государства. Еще более организованным и мощным стало движение народов за мир и безопасность. Все это неизбежно привело к резкому ослаблению мировых позиций империализма. Оказались полностью несостоятельными такие внешнеполитические доктрины империализма, как «отбрасывание коммунизма» или «массированное возмездие», ставшее по меткому выражению американского социолога Миллса «массированной чепухой». С треском провалились доктрины «локальных» войн — империализм не смог добиться своих целей ни в Корее, ни в Индокитае.

Зато расходы на войну во Вьетнаме оказались непомерно тяжелыми даже для сильнейшей державы империализма — США. Они привели к увеличению государственного долга, к резкому ухудшению экономического и финансового положения в стране, к обострению внутренних социальных и политических проблем США.

В создавшейся обстановке многих американских политических деятелей стали одолевать «мысли о немыслимом» — то есть об отказе от политики силы по отношению к мировой социалистической системе.

Эти новые настроения нашли отражение еще в 1961 году в речи президента США Кеннеди в ООН. «Каждый мужчина, женщина и ребенок, — говорил он, — сейчас живут под ядерным дамокловым мечом, висящим на тончайшей нити, которая может порваться в любой момент. Орудия войны нужно истребить раньше, чем они истребят нас».

Альтернативой «холодной войне» мог быть только один курс — тот, за который принципиально и твердо выступали Советское государство, другие социалистические страны, курс на мирное сосуществование, намеченный еще Владимиром Ильичем Лениным и детально разработанный в партийных документах и выступлениях руководящих деятелей КПСС и братских партий. Именно этот курс позволял устранить угрозу прямой конфронтации двух мировых систем, наладить нормальные политические, экономические и культурные отношения между странами и народами земного шара. Никакого третьего пути не было и быть не могло.

Какие бы формулы ни изобретал воинствующий антикоммунизм — «локального» или «тотального отбрасывания», «холодной» или «прохладной войны», — его банкротство становилось все более очевидным. Главная цель — подрыв сил социализма — не только не приближалась, но, напротив, оказалась полной химерой: социализм рос и укреплялся вопреки всем заклинаниям и интригам Запада. Практическим результатом политики конфронтации была лишь напряженность, «война нервов», в которой нервы сдавали у ее же зачинщиков. Итак, конфронтация означала тупик. Попытаться попросту «не замечать», игнорировать мировую социалистическую систему? Запад пробовал и этот путь. Но и он привел в тупик недоверия и отчуждения.

Выход из этих тупиков был только один: признать как реальный, объективный факт неодолимость мирового социализма. Сама жизнь требовала от руководителей капиталистических государств пересмотра их внешнеполитических принципов. Мир явно созрел для крупных политических перемен, объективных предпосылок для этого было, как мы видим, более чем достаточно.

Но сами по себе эти предпосылки могли так и остаться нереализованными возможностями. Только сознательная, целенаправленная деятельность людей, стоящих у руля государственной власти в различных государствах, сделала эти предпосылки реальным фактором международной политики. И историческая заслуга КПСС, ее ленинского Центрального Комитета и лично товарища Л. И. Брежнева состоит в своевременном и точном научном анализе ведущих тенденций мирового развития, разработке и энергичном воплощении в жизнь Программы мира.

Последовавшие за XXIV съездом КПСС годы стали периодом особенно успешной дипломатической деятельности Советского Союза и других социалистических стран. Объем и результаты их международно-правовой активности пока еще не вполне укладываются в сознании людей, привыкших за годы «холодной войны» к тому, что дипломатические усилия государств с различными общественно-политическими системами ограничивались главным образом обменом нотами, протестами и взаимными обвинениями. Дипломатическая статистика не в состоянии привести другого примера, когда бы за два года период международной напряженности сменился таким количеством международных договоров.

Успешно осуществляются двусторонние соглашения о сотрудничестве в области политики, экономики, науки, культуры.

Трудно переоценить изменения, происшедшие в отношениях СССР и других социалистических стран с ФРГ. Заключенные между ними договоры о признании нерушимости европейских границ имеют огромное значение для укрепления безопасности и широкого мирного сотрудничества народов Европы.

Естественно, что с особой заинтересованностью вся мировая общественность относится к серии договоров и соглашений, заключенных между СССР и США, в первую очередь к Соглашению о предотвращении ядерной войны.

Проблема запрещения ядерного оружия на протяжении десятилетий была ключевой проблемой международной политики. На протяжении многих лет решение ее не удавалось. Да и решить ее сразу и радикально было не так просто. Вот почему началось поэтапное ее рассмотрение. На первых этапах были заключены договоры о запрещении ядерных испытаний в трех сферах и о нераспространении ядерного оружия. Затем был заключен договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в их недрах ядерного и других видов оружия массового уничтожения. На очереди дня перед крупнейшими ядерными державами — СССР и США стояли следующие, еще более важные задачи по заключению таких актов, которые были бы направлены на создание системы международной безопасности в условиях существования ядерного оружия. Руководствуясь желанием создать условия, при которых опасность возникновения где бы то ни было в мире ядерной войны была бы уменьшена и в конечном итоге устранена, СССР и США и подписали историческое Соглашение.

Беспрецедентны в истории отношений между государствами с противоположными социальными системами советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений. Четкие и конкретные, эти документы сформулированы таким образом, что обеспечивают соблюдение принципа равной безопасности сторон, выдвинутого, как известно, Советским Союзом.

Достоинство международных документов, подписанных Советским Союзом в последние месяцы, состоит в том, что они соответствуют интересам не только самих участвующих сторон, но и всех стран мира, поскольку их конечная цель — устранение опасности войны и создание условий для дружеского сотрудничества народов.

Конечно, всех нас радует, что в результате продолжающегося диалога Восток — Запад долго существовавшие спорные вопросы находят, наконец, свое разрешение. Но мы помним при этом опыт истории. А он гласит, что сам факт заключения договора — это важный, но только **первый** шаг на пути достижения поставленных целей. Решающее значение имеет добросовестное и неукоснительное соблюдение его обеими сторонами.

Разрядка международной напряженности носит явно устойчивый, стабильный характер, охватывая все более обширные районы земного шара. Это значит, что арсенал международных договоров и соглашений будет расти и впредь. Это обстоятельство тем более подчеркивает важность соблюдения государствами международных обязательств.

Договоры должны выполняться. Таков один из важнейших принципов международного права. И Советский Союз не раз уже демонстрировал миру лояльное отношение к своим обязательствам.

Говоря об «Основах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», Леонид Ильич Брежнев подчеркивал, что обе стороны рассматривают этот важнейший документ «не просто как декларацию благих намерений, а как программу активных и последовательных действий — программу, которую они уже начали выполнять и твер-

до намерены выполнять в дальнейшем». В этих словах была подчеркнута готовность Советского Союза строго соблюдать свои обязательства.

По многим пунктам программы, зафиксированной в «Основах взаимоотношений», СССР и США уже сделали немало шагов вперед.

В развитие этой программы заключен целый ряд двусторонних соглашений, о которых говорилось выше.

Такие же примеры можно было бы привести и по поводу отношений между СССР и ФРГ, СССР и Францией.

Анализируя международные отношения последних лет, будущий историк, несомненно, обратит внимание на то, что смена политики конфронтации на политику сотрудничества между крупнейшими государствами мира происходила отнюдь не в состоянии идиллии. Силы, цепляющиеся за политику «холодной войны», еще не капитулировали. Не сумев предотвратить заключение важнейших договоров и соглашений, они не отказываются от попыток сорвать их реализацию. Это они муссируют фальшивый довод о «невыгодности» для США экономических соглашений с СССР. Это они в сенате США мешают принятию законодательных актов, расчищающих путь для экономического и торгового сотрудничества между СССР и США.

В свое время нарушение империалистическими силами Женевских соглашений 1954 года привело к тому, что во Вьетнаме вновь запылал огонь войны. Тем не менее сайгонский режим и в новых исторических условиях попирает Парижские соглашения 1973 года о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Урок истории явно не пошел ему впрок.

В другой «горячей точке» планеты, на Ближнем Востоке, обстановка остается напряженной из-за действий Израиля, грубо нарушающего решения Совета Безопасности ООН, направленные на восстановление мира и ликвидацию последствий израильской агрессии. А ведь эти решения обязательны для всех членов ООН, значит, и для Израиля.

Пытаются возвести барьеры на пути лояльного выполнения соглашений, заключенных боннским правительством, реваншистские элементы ФРГ.

Конечно, далеко не все важные вопросы международных отношений уже решены. Впереди еще много работы. Но ясно одно: уже подписанные договоры и соглашения создали плацдарм, с которого миролюбивые силы могут успешно бороться за международную безопасность и сотрудничество.

Поэтому вполне оправдан оптимизм, с которым советские люди, трудящиеся всех стран смотрят на будущее развитие международных отношений. Что касается внешнеполитических планов нашей страны, о них хорошо сказал Леонид Ильич Брежнев в своем выступлении в Алма-Ате 15 августа этого года: «Мы будем и впредь вести активную борьбу за международную разрядку, за ликвидацию очагов военной опасности, за прекращение гонки вооружений. Мы будем и впредь давать решительный отпор тем силам, которые хотели бы повернуть мировое развитие вспять. И мы убеждены, что наше правое дело борьбы за мир и социальный прогресс восторжествует!»

А. ПОЛТОРАК,
доктор юридических наук

ПАРОХОД У ПРИЧАЛА

Александр ЕФРЕМОВ,
спец. корр.
«Комсомольской правды»

Девочки любят рисовать цветы. Мальчики — самолеты. Все девочки и мальчики по всей Земле одинаково любят рисовать пароходы. Их рисуют и те, кто живет на океанском берегу, и те, кто никогда не видел даже большого озера. Детские кораблики (и многотрубные лайнеры, и многопарусные фрегаты) очень похожи друг на друга. Ведь для подростка пароход вовсе не вид морского транспорта, а образ таинственного и прекрасного будущего. Что там за горизонтом?

Любой пароход на детском рисунке — символ, а тот, о котором пойдет сейчас речь, символичен многократно, хотя пароход не выдуманный, а «всамделишный», нарисован с натуры.

Американская школьница приехала с родителями в Новый Орлеан и увидела белое судно с красным флагом. Она достала кисточку и краски. А через несколько дней взяла бумагу и авторучку, чтобы написать письмо.

«Уважаемый господин Брежнев. Мне 13 лет. Я живу в Детройте, в штате Мичиган. Недавно, когда я была в Новом Орлеане, в штате Луизиана, мы остановились в гостинице, окна которой выходили на реку Миссисипи. Внизу у причала стояло русское судно «Новольвовск». Я решила нарисовать его. Дарю этот рисунок Вам в знак дружбы между моей страной и Вашей. Надеюсь, что в будущем мы будем чаще проводить мирные встречи, чтобы помогать друг другу решать проблемы, которые стоят сегодня перед миром. Мне хотелось бы когда-нибудь побывать в Вашей стране. Добро пожаловать в Соединенные Штаты, в город Детройт.

Искренне ваша
Дебби Литт.
Детройт, штат Мичиган».

Конечно, в этом письме прежде всего привлекает трогательное выражение искреннего, доброго гостеприимства, чувство, которое в дни визита в США Леонида Ильича Брежнева переживали вместе с Дебби многие американцы. Есть в этом послании 13-летней школьницы и кажущаяся удивительной для маленького человека ответственная серьезность. Вчитайтесь в эту задористо-уверенную фразу, как бы произнесенную от имени всего вступающего в жизнь нового поколения американцев: «Надеюсь, что в будущем **мы** будем чаще проводить...»

Вот это «мы» и представляется мне особенно символичным.

Новый поворот в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, закрепленный как неминуемый шаг истории во время поездки в США Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, приветствовали и приветствуют многие американцы. Одни — исходя из здравого государственного смысла, другие — исходя из такой же здравой деловой сметки, третьи — их большинство, — искренне откликаясь на обращенную к ним добрую волю и миссию мира советского народа. И с самой открытой душой, с непредвзятым интересом к Стране Советов — самое молодое поколение думающих американцев. Да, думающих. Не все, разумеется, но многие заокеанские «тинэйджеры», то есть те, кому нет двадцати, очень рано задумываются над политическими процессами нынешнего этапа истории, задумываются над будущим всей страны, ее ролью. Конечно, далеко не каждому из них удастся в дальнейшем выдержать тяжелое давление антисоветской пропаганды. И все же мне, во всяком случае, письмо и рисунок Дебби Литт кажутся очень символичными.

Американские дети много часов проводят у телевизоров, принимая чуть ли не убийственную дозу насилия. Но рисуют они, любят рисовать не серые махины авианосцев, а белые мирные пароходы.

У ПОДЪЕЗДА БЛЭЙР-ХАУЗ

Дом № 1651-3 на Пенсильвания-авеню представляет собой один из выдающихся архитектурных памятников Вашингтона. Элегантный 4-этажный особняк назван Блэйр-хауз в честь известной в истории США семьи, владевшей домом до 1942 года, когда его приобрело американское правительство. «Если вы не являетесь почетным гостем Соединенных Штатов, то сможете увидеть только фасад Блэйр-хауз, — говорится в путеводителе по Вашингтону. — Но не проходите мимо, остановитесь, чтобы рассмотреть удивительно красивый фасад здания, а если вам повезет, вы сможете увидеть, как от подъезда Блэйр-хауз отчаливает кавалькада черных лимузинов».

У ограды Блэйр-хауз, резиденции почетного гостя США — Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, было всегда полным-полно тех, кому повезло, — вашингтонцев и приезжих, жаждущих взглянуть на товарища Брежнева, на советских гостей. Это не было сборищем зевак. Американец слишком ценит свою минуту, чтобы отдать ее пустому «глазению». Нет, здесь собирались люди, всерьез заинтересованные происходившими переговорами, «болеющие» за состояние советско-американских отношений (и надо заметить, что

подолгу стоять на раскаленном июньским вашингтонским пеклом тротуаре было занятием не для слабосильных). В этой толпе «политических болельщиков» можно было узнать самые свежие новости, те самые, о которых не подозревали ни журналисты, ни участники переговоров. Уличные знатоки делились на пессимистов («Ни о чем они не смогут договориться») и оптимистов («Все будет о'кэй!»). Пессимистов, доверявшихся псевдооракулам американских газет, что пестовали идею «никчемности» встречи, поначалу было, пожалуй, больше, но переговоры шли успешно, и пессимисты день за днем сдавали свои позиции перед чуткими к веяниям времени оптимистами.

У меня висел на груди желтый жетон, служивший пропуском через охранительные кордоны и позволявший миновать сдерживаемую ими толпу у особняка. Но я всегда старался прийти чуть пораньше назначенного времени, чтобы «прочувствовать настроение» этого «стихийного собрания американцев». Тем более что в толпе всегда было довольно много молодых лиц, а меня особенно интересовало, как воспринимает молодая Америка те глобальные исторические процессы, кульминацией которых стал визит в США Леонида Ильича Брежнева.

Вот несколько отрывков из вашингтонских бесед.

Студент из Мэрилендского университета П. Боон, юноша, очевидно, вдумчивый и начитанный, просит записать: «Конструктивная политика мира, примером которой служит приезд к нам Леонида Брежнева, питает нас надеждами, что нашему поколению удастся прожить жизнь без войн».

Продавщица супермаркета (у нас сказали бы — универмага) Патрисия Моррисон, негритянка, хорошенькая, кокетливая, быстроглазая, выпаливает сто слов в секунду на трудновоспринимаемом слэнге (наречии) вашингтонских окраин. Мне, наконец, удается понять, что, во-первых, она и все ее подруги «чертовски» рады приезду мистера Брежнева, потому что это просто «дьявольски хорошо» и «дьявольски замечательно» для них и для всех, что, во-вторых, она вырезала из газеты портрет мистера Брежнева и повесила его на стенку и что, в-третьих, она, даже стыдно сказать, как сердита вон на того долговязого полицейского, который оттолкнул ее, когда она вчера хотела пролезть к самому подъезду, чтобы расцеловать мистера Брежнева.

Порывистый, энергично жестикулирующий учитель математики Дж. Хадстон, приехавший в Вашингтон из штата Огайо, говорит так: «Конечно, не всякие переговоры удачны, иные и не ведут к добру, но вот я смотрю: мистер Брежнев много ездит по свету, не жалеет сил, и каждая его поездка приносит хорошие результаты. Уверен, так произойдет и сейчас».

Впрочем, в этой толпе можно было услышать и несколько иные суждения.

Не назвавший себя вашингтонец («Запишите просто — «железнодорожник») — парень, как видно, самолюбивый, всей манерой своего поведения демонстрировавший особую любовь к самостоятельности воззрения, — высказался следующим образом:

«Я — за визит. Дело полезное. Но я вас спрошу: чего тут такого удивительного? Отношения налажены? Налажены. Так что нынешняя встреча в порядке вещей. Норма жизни. Я ее одобряю, но не ждите от меня никаких суперэмоций».

«Э нет, — вступил в беседу его приятель, тоже служащий «железки». — А не думаешь ли ты, что сенсация — уже то, что ты, к примеру, и не воспринимаешь эти переговоры как сенсацию, свыкся? А я вот до сих пор изумляюсь тому, как быстро идет процесс разрядки. Главный коммунист мира — наш гость. Еще два года назад мог бы ты это вообразить?»

Да, немногие американцы — и это можно было почувствовать в дни визита — были подготовлены к тому, что «мирное наступление» так быстро захватит в свою орбиту и их страну. Даже самые динамичные из моих заокеанских собеседников признавались, что поражены темпами развития советской политики по обеспечению прочной безопасности народов. Поражены главным образом потому, что рядовой американец менее всего склонен недооценивать силу и власть милитаристских кругов, военно-промышленного комплекса своей страны. Мне приходилось выслушивать исповедальные рассказы молодых американцев, пылко участвовавших в антивоенном движении и отошедших от него в момент горького разочарования в своих силах.

«Мне кажется, что сейчас я обрел второе дыхание, — доверительно сказал мне в конце долгой беседы один из ветеранов маршей протеста, — но многое, очень многое надо переосмыслить. Смогу ли я, не знаю. Понимаешь, нам было нелегко, мы выступали за конец войны во Вьетнаме, а нам бросали обвинения в отсутствии патриотизма, в предательстве, и мне тогда, я не говорю за всех, казалось, что, выступая против своего правительства, я должен выступать и против других. Короче, мы, как бы выразиться, абсолютизировали протест, жили только словом «нет!». Ну и, конечно, теперь я это понимаю отчетливо, мы ничего не знали о твоей стране, то есть не знали главного. Поразительно, до чего я, недоверчивый по природе, был доверчив ко всему, что пишут у нас о России. Уверен, что приезд к нам Леонида Брежнева, его публичные выступления, откровенный, непринужденный тон и, прежде всего, так импонирующий нам, американцам, прямой и деловой подход к самой сути волнующих всех проблем — это уже неизгладимо».

ПАРАДОКСЫ ПРЯМОЛИНЕЙНОСТИ

В Вашингтоне, как, впрочем, в любом американском городе, заблудиться невозможно. Я стою на перекрестке двух улиц. Одна называется «М», другая — «16». Мне нужен перекресток Д-17. Невольно прикидываю в уме разные варианты достижения заданной точки. Как ни пойдешь, расстояние, согласно геометрии Эвклида, окажется одинаковым. Клеточек-кварталов в США значительно больше, чем полей на шахматной доске. И у меня не раз возникало ощущение, что стоит, выйдя из отеля, отсчитать нужное количество кварталов и, свернув за угол, двинуться по прямой, как попадешь в Детройт, Майами или Лос-Анджелес...

Прямолинейная Америка отчетливо видна с высоты, скажем, 10 тысяч метров. За пять с половиной часов трансамериканского перелета я нагляделся на мелькающие внизу квадраты, квадраты, квадраты — крохотные, средние, гигантские. И улицы, и автострады, а в Калифорнии и русла высохших рек неизменно демонстрируют правильность определения прямой — кратчайшего расстояния между

«Welcome!» — «Добро пожаловать!» — приветствовали американцы в незабываемые июньские дни 1973 года посланца Страны Советов — Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

двумя точками. В Сан-Франциско среди других городских достопримечательностей — доисторических кабельных трамваев, района Эшбери-Хейтс — покинутого стойбища племени хиппи, знаменитого моста Золотые ворота, за перила которого шагнули более пятисот отчаявшихся американцев, — приезжему обязательно покажут и улицу Крукид-стрит, удивительную только тем, что она не прямая, а извилистая.

— Мы, американцы, прямолинейны, — исповедовался мне один американец, хирург по профессии, из той породы, которую в Штатах принято сокращенно именовать wasp (белый англосаксонский протестант). — Это у нас в крови. Я имею в виду настоящих, потомственных американцев. Не всяких пришлых. У нас есть цель — деньги. И мы идем к ней кратчайшим путем. По прямой. Вы не судите по мне. Я не очень типичный. Я, например, читал ваших русских — Достоевского, Толстого, еще кого-то. И скажу откровенно — так и не понял. Зачем усложнять себе жизнь? Что дают все эти мучительные душевные переживания? Загадка. И это для меня. А для моих соседей и вовсе абракадабра. Жить надо просто...

Прямолинейный доктор все более возбуждался, и из его внезапных откровений выяснилось, что он очень хочет ясности, но не может ее найти, что спасительная простота решений никак не дается, ускользает. И он искал виновных. Он всю жизнь честно и хорошо трудился, но зарабатывает меньше, чем какие-то «ловкие чужаки». Он не жалел денег для детей, а им плевать на это. Он за кардинальные решения внутренних политических проблем (всех негров вернуть в Африку, всех итальянцев — в Италию и т. д.), но нынешние политики на такие решения не способны.

Пожалуй, его политические взгляды можно было бы определить как «обывательский фашизм», и, очевидно, такие, как доктор Бокуорд, представляют собой питательную среду для американской реакции. Но в тот момент, выслушивая его исповедь, начатую в тонах хвастливых и законченную в жалостных, я думал о другом.

Этот, в общем-то, самоуверенный представитель самой респектабельной Америки показался мне ковбоем, выбитым из седла. Он исповедовал самые изначальные американские культы — культ денег, культ силы, культ предприимчивости, культ супермена, но у него (у скольких еще его соотечественников?) культы эти обернулись комплексами. Они корежили его изнутри.

На прощание доктор Бокуорд привел еще одно доказательство своей прямолинейности.

— Скажу откровенно, — сказал он откровенно, — беседуя с вами, я рассчитываю извлечь прямую выгоду. Вернувшись к себе в Бостон, я расскажу, что беседовал с русским журналистом, и тем самым подниму свой престиж. Русские сейчас популярны. У меня прибавится клиентов. Все остальное — чепуха.

Агрессия в Юго-Восточной Азии произвела огромные разрушения в самих Соединенных Штатах. Нет руин, нет воронок, шумят листьями неспаленные леса. Видимых следов войны нет. Но повсюду — в каждом доме, в каждой душе, в каждом мозгу — следы неизгладимых военных травм, следы насилия...

На дорогах страны встречаешь людей безучастных, потухших. Ищут себе занятия по плечу неопознанные лейтенанты келли — палачи, «поработавшие» во Вьетнаме. Ищут адреса и клички «пушеров» (спекулянтов наркотиками) ветераны Сайгона, приученные к ежедневной порции героина.

Существенные перемены можно обнаружить и в сознании тех американцев, которые никогда не пересекали Тихий океан. Война и ее исход стали истоком мучительных раздумий для того самого американца, который по голливудским образцам привык прямолинейно делить всех и вся на хороших, «гудиз», и плохих, «бэдиз», для которого само могущество Америки было доказательством ее права повелевать миром. И еще: война стала не только истоком раздумий, но и истоком действий, потребовавших прежде всего от молодежи мужества и настойчивости.

Америка ищет виновных за позор Вьетнама, за падение с пьедестала доллара, за нависшую угрозу необратимого отравления среды, за политические скандалы, подорвавшие последнюю веру в устойчивость «правильного» порядка. Молодые винят «стариков». А те панически наблюдают за тем, как новое поколение безоглядно выбрасывает в корзину все «святыни» и «добродетели».

Как-то моим соседом по самолету оказался шестидесятилетний седовласый, краснощекий орегонец, человек крепкого сложения и крепких взглядов, по профессии посредник в оптовой торговле скотом. Увидев у меня среди других брошюр известную книжку Чарлза Рейха «Молодые побеги Америки» (а в ней сам факт отрицания частью молодого поколения США губительной действительности рассматривается как доказательство неизбежного нравственного пробуждения нации), скотопромышленник буквально побагровел и разразился бурной тирадой, которая с перерывом на обед и кинофильм «Молодой Черчилль» продолжалась от Сан-Франциско до Нью-Йорка. Я услышал от него, что страна, которая расстилается внизу, имеет только видимость Америки. На самом деле Соединенные Штаты вот уже несколько лет захвачены диким племенем «Янг» (то есть «молодыми»), что этому захвату предшествовала неслыханная эпидемия инфантилизма. «Все началось с того, что взрослые идиоты стали обезьянничать с молокососов. Нет, они не американцы. Быть американцем — значит заниматься делом. А это паразиты, бездельники. Стрелять их надо!»

— Неужели вы не видите другого выхода? — спросил я седовласого.

— Вот разве это...

Он достал из портфеля и протянул мне несколько печатных страничек. Это была готовая программа действий по «спасению» Америки от молодежи.

Первый пункт гласил: пресечь все источники экономической помощи молодым. Во втором параграфе предлагалось резко сократить прием в колледжи и вообще давать образование лишь ничтожной части подрастающего поколения. Третий параграф касался вопросов передвижения — ни в коем случае не выдавать водительские права лицам моложе 40 лет. И наконец, в финале манифеста его автор (как я узнал позднее, довольно известный поэт Карл Шапиро) требовал вообще изгнать из американского лексикона слова

«подросток», «юноша». Возрастная классификация отныне ограничивалась категориями «младенец» и «взрослый».

Если судить по литературе, по кино, конфликт поколений в США достиг апогея. На экранах «отцы» и «дети» охотятся друг за другом, как, бывало, ковбои и команчи.

А в жизни?

Многие американские обыватели пришли в ужас, узнав о снижении возрастного избирательного ценза с 21 до 18 лет. Им мерещился Элвис Пресли или Марлон Брандо в роли президента. Но на итогах выборов 1972 года участие новой группы избирателей практически не сказалось. Голоса их разделились почти поровну между двумя кандидатами.

Многие же, очень многие вообще отказались голосовать.

«Возрастная война» — лишь тень (причем такая, которую американская пропаганда считает выгодной выдавать за плоть) тех могучих противоречий, которые действительно раздирают современную Америку, — классовых, национальных. Молодые, как и везде, более мучительно переживают состояние кризиса. И настойчивее ищут новые пути.

ФЛАГ НАД САН-ФРАНЦИСКО

Это был чудесный день в жизни 26-летнего комсомольца Василия Юнака. «Я не мог не гордиться доверием, которое мне оказали», — говорит он. И как не согласиться с его переживаниями. Момент действительно незабываемый. В 22 часа 15 минут 23 июня вице-консулу В. Юнаку было доверено в первый раз поднять в городе Сан-Франциско советский флаг. Океанские ветры, гуляющие над Пасифик Хайтс (Тихоокеанские Высоты — так называют холмы, стоящие под мостом Золотые ворота), развернули во всю ширь алое полотнище. «Флаг двигался по флагштоку вверх ровно 70 секунд, — рассказывает Василий, — пока звучал Гимн Советского Союза».

У подъезда 6-этажного здания под номером 2790 на Грин-стрит собрались самые известные люди тихоокеанского побережья США. Генеральный консул СССР в Сан-Франциско Александр Иванович Зинчук открывает настенную доску с изображением герба Советского Союза.

На следующий день местные газеты подчеркнули тот факт, что официальное открытие генерального консульства СССР в Сан-Франциско было приурочено к прилету в Калифорнию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Это событие стало очередным примером эффективности коренного поворота в советско-американских отношениях, достигнутого в результате переговоров на высшем уровне.

На торжественной церемонии открытия советского консульства в Сан-Франциско присутствовал известный промышленник, давний сторонник советско-американского делового сближения А. Хаммер. Из Нью-Йорка прибыли А. Клаузен, главный директор «Бэнк оф Америка», крупнейшего и могущественнейшего капиталистического банка в мире, известные университетские профессора, генералы, прославленные актеры, руководители ведущих промышленных и торговых корпораций американского Запада. И конечно же, сюда, к красному флагу, пришли многочисленные друзья нашей страны в Калифорнии. Был здесь Гарри Бриджес, председатель Международного профсоюза портовых рабочих, приславший сердечное приветствие товарищу Брежневу, пришли студенты Калифорнийского университета в Беркли.

О чем говорили люди?

Конечно же, о самом главном — о том, что «холодная война» должна окончательно кануть в прошлое, что новые отношения между двумя нашими странами должны быть плодотворными, взаимополезными. И у всех на устах были слова, произнесенные накануне во время телевизионного обращения к американскому народу Леонидом Ильичом Брежневым: «Чтобы жить в прочном мире, нужно доверять друг другу, а чтобы доверять, нужно лучше знать друг друга».

Сегодня, как и вчера, как и каждый последующий день, у сотрудников советского консульства в Сан-Франциско полным-полно неотложных дел. Коллектив консульства небольшой, а интерес американцев, живущих на тихоокеанском побережье, к информации о Советском Союзе возрастает буквально по часам.

«Интерес американцев к литературе о Советском Союзе, — рассказывает Василий Юнак, — особенно возрос в дни визита в США Леонида Ильича Брежнева. И конечно, всем особенно хотелось получить изданный на английском языке сборник выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС. Мы стараемся всем помочь. Но трудно сказать, как нам удастся справляться в дальнейшем, ведь к нам обращается все больше и больше людей. Главным образом молодые. Молодые американцы всерьез захотели узнать правду о нашей стране. А о том, как мало они о нас знают, можно судить хотя бы по такому моменту. У нас в консульстве народ подобрался молодой — ну просто комсомольско-молодежная бригада. Так вот наши американские ровесники, встречаясь с нами, никак не могут скрыть своего удивления: мы, мол, были убеждены, начитались, что у вас молодежи очень трудно пробиться, а вам доверили такую трудную, ответственную работу — представлять свою страну в главной капиталистической державе! Чему удивляются, чудаки! Ну, понятно, посетители у нас разные, некоторые просто приходят посмотреть, какие из себя советские, не очень ли страшные, но большинство уже кое-что о нашей стране знают, во время визита Леонида Ильича многое почерпнули, и у всех через слово — мир, мир, мир. И почти все хотят съездить в Москву. Услышали, что в Москве состоится Конгресс миролюбивых сил, так было полно вопросов — какие страны, и какая программа, и к кому обратиться, чтобы принять участие, и кому писать о своей поддержке конгресса. Так что передай москвичам, чтобы ждали гостей и с тихоокеанского побережья Америки».

Когда я выходил из консульства, на Грин-стрит выкатился забитый туристами автобус. Здание с красным флагом на Тихоокеанских Высотах стало новой достопримечательностью Сан-Франциско. Туристам показывают не архитектурный памятник. Их знакомят с приметой нового времени, нового этапа истории, веха которого отмечена в США в июне семьдесят третьего года.

Вашингтон —
Сан-Франциско —
Москва

ВЗГЛЯД

Вадим КАССИС,
соб. корр. «Известий»

Предрассветная хмарь над Токио не предвещала ничего утешительного. Моросил нудный дождь, дул порывистый северо-западный ветер. Я колебался: стоит ли отправляться в дорогу по такому ненастью? Ведь из-за плохой погоды могут отменить то, ради чего я с вечера подготовил машину, еще раз с карандашом проштудировал маршрут по карте, зарядил фотоаппарат — словом, собрался в путь. Но интуиция подсказывала, что все будет в порядке. Решено, еду.

Поколесив по несчетным кривым проулкам, наконец выбираюсь за город. Впрочем, загородного пейзажа, каким мы привыкли его себе представлять, за собственно токийскими кварталами не последовало. Каждый квадратный метр застроен. Жалкие домишки, словно горбатые карлики, жмутся к непроницаемо-

С ТОКИО — ТАУЭР

Маленькие граждане Хиросимы, дети тех, кто чудом уцелел после того страшного дня в 1945-м... Сейчас над ними безоблачное, мирное небо, но под этим небом, как напоминание о недавнем прошлом, стоит единственное сохранившееся после атомного взрыва здание с куполом-скелетом.

му бетону и начищенному до зеркального блеска стеклу фабрик, заводов, стена к стене. Земли, почвы практически нет. Она навечно погребена под цементом, камнем, асфальтом.

От основной дороги, стиснутой с боков плотными шеренгами строений, в разные стороны черными ужами расползаются переулки с такими же серыми, нахохлившимися под дождем домишками. Заехать в такую глубинку — все равно что оказаться в шахте, отрезанной от мира обвалом. Без посторонней помощи не выбраться. Номеров на домах нет, названий улиц — тоже. Зачем? Все эти «формальности» человек, выросший здесь, и так знает с пеленок.

Наконец сквозь бисерную пелену дождя проступили акварельно размытые контуры предгорий, а чуть правее — дома, немного повыше тех, что сопровождали меня на всем пути от Токио до конечной цели — города Сагамихары.

В Сагамихару я добрался через портовый город Иокогаму. Дорогу между этими городами в Японии называют «дорогой борьбы с войной». Дело в том, что в Сагамихаре все последние годы огромную территорию занимала крупная база снабжения американской армии. На изрезанной гусеницами танков и транспортеров земле размещался еще пункт по ремонту боевой техники США, прибывавшей из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Подновленные танки, самоходки, артиллерийские орудия опробовались на полигонах и отправлялись из Сагамихары в Иокогаму, где их грузили на транспорты и снова бросали в пекло индокитайской войны.

Последняя партия танков застряла в Сагамихаре до нынешнего лета, и вот теперь, хотя война во Вьетнаме закончена, эти танки снова перебрасывали в Индокитай. Многотонные монстры неуклюже выползли из-за колючей проволоки и замерли на пригорке, словно в растерянности: путь им преграждали тысячи молодых японцев. Они приходили сюда все последние годы, пока шла война во Вьетнаме. Пришли и сейчас, чтобы помешать отправке орудий смерти туда, где с таким трудом налаживается мирная жизнь.

— Меня зовут Исидзава. Я докер, работаю в Иокогаме. Недавно мне исполнилось двадцать лет, — представляется мне один из пикетчиков. — В Сагамихаре я уже третий раз. Надеюсь, что и последний. Мы против американо-японского «договора безопасности» и не желаем, чтобы по нашей земле ползали чужие танки.

Исидзава стоит под зонтом, полой хлопчатобумажной куртки прикрывает худенькую женщину. Лицо в веснушках, коротко стриженные волосы, очень красивые глаза. Это его жена.

— Мияо тоже работает в порту, продавщицей в лавке. Вы из Советского Союза? Я знаком с вашими моряками. Они часто заходят в Иокогаму. Мы счи-

таем, что люди должны дружить, а не воевать. Собственно, поэтому мы сюда и пришли — я, жена, мои товарищи.

Другой пикетчик, Мацуура, приехал в Сагамихару из Токио. Вместе с ним — 35 молодых ребят из района Минато-ку, где стоит самая высокая башня столицы, Токио-тауэр — достопримечательность, которую не обходит вниманием ни один турист.

— В ней 333 метра. Вот я и думаю, — Мацуура хитровато щурится, — пусть бы наши политики почаще забирались на башню. С нее дальше видно. А когда горизонты шире, шире и думается. Мы читаем газеты, смотрим телепередачи и знаем, что в мире сейчас многое меняется. Взять хотя бы визиты вашего лидера Леонида Брежнева в ФРГ, Соединенные Штаты, Францию. Мы рады, что они оказались такими полезными и результативными. В общем, многое в мире изменилось, и от политиков сейчас требуется бóльшая широта взглядов.

Дождь продолжает хлестать. На асфальте расползлись бесчисленные лужи. А отряды пикетчиков все прибывают. Плотной стеной они обступают ограду из колючей проволоки. Перекрывая дорогу в порт, стоят как вкопанные. Поодаль — полицейские машины с прожекторами-вертушками на крышах. Когда я уезжал обратно в Токио, они так и стояли друг против друга — люди, не обращавшие внимания на дождь, и бронированные чудовища с безнадежно умолкшими моторами...

Я рассказал об этом эпизоде, чтобы читателям «Ровесника» удалось ощутить, насколько широко в Японии антивоенное движение, в котором особенно активно участвует молодежь. Люди самых различных политических убеждений в Токио, Осаке, по всей стране с чувством облегчения и надеждой следят в этом году за переменами в международных отношениях на Европейском континенте. Поэтому не случайно, что именно в последние месяцы на Японских островах вновь заговорили о выдвинутой Советским Союзом идее системы коллективной безопасности в Азии. «Советский Союз хочет, чтобы и в Азии была достигнута стабильная обстановка» — так высказался о ней, например, министр иностранных дел М. Охира.

Высоко оценивает эту внешнеполитическую инициативу СССР и другой видный деятель правящей либерально-демократической партии (ЛДП), Х. Исида, возглавляющий парламентскую ассоциацию японо-советской дружбы. «Для внешней политики Советского Союза, — говорит он, — прежде всего характерны искреннее стремление ее руководителей к дальнейшему расширению личных контактов, встреч с лидерами других стран, желание углубить существующие связи, вести серьезный и открытый диалог о насущных проблемах современного международного положения. Свидетельством тому может служить визит в США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, которого я высоко ценю как серьезного, вдумчивого политического руководителя».

...Мне часто приходится слышать от знакомых японцев, что Япония уже не та, что многое изменилось за последние годы не только в японской экономике, но и в психологии людей. Это и так, и не совсем так. Умный, старательный народ, особенно его энергичная молодежь, действительно быстро идет вперед, создает чудеса в промышленности и технике. В то же время здесь на каждом шагу ощущаешь, как лелеют старину, вновь и вновь возвращаются к ней.

Печать далекого прошлого лежит на вычурных светильниках из серого, грубо отесанного камня, а рядом пламенеют в неоновой радуге улицы столичного центра. Перезвон колокольчиков под изогнутыми сводами синтоистских и буддистских храмов заглушается звуками джаза, несущимися из ночного кабаре. Над благоухающими цветниками в крошечных двориках горожан висят черные шлейфы дыма от тысяч промышленных предприятий. На улицах японских городов можно встретить женщин в кимоно и молодых девушек, одетых по последней европейской моде. Из традиционного театра «Кабуки», где все построено на условностях, где женские роли исполняют мужчины, вы можете попасть через несколько минут в концертный зал, где сцена, освещение, декорации — все подвластно компьютерам. Вы видите крестьян, обрабатывающих рисовые поля вручную, и телевизионные антенны на крышах их жилищ. Все это Япония сегодня. Новое и старое, живя бок о бок, образуют сложное хитросплетение.

Таковы чисто внешние приметы японской жизни. Куда труднее разобраться в социальных, политических, психологических особенностях нынешней Японии. Взять, скажем, всем известную привязанность японцев к традициям. Их много, этих традиций, и они разные. Все дело в том, кто и какие выбирает. Можно ли говорить, например, о тождестве кодексов поведения крестьянина, чья главная забота — прокормить семью и выпутаться из долгов, и чванливого дворянина? Конечно же, они по-разному понимают и смысл «истинно японского духа». В Японии еще достаточно поборников «восстановления величия империи» и других подобных идей, взрастивших не одно поколение самураев. Сегодня они требуют пересмотра послевоенной конституции, особенно ополчившись против ее 9-й статьи, которая провозглашает, что «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации». Правда, и эта конституция не помешала созданию так называемых «сил самообороны» Японии, которые по огневой мощи вышли на первое место среди капиталистических стран Азии. Современную боевую технику им поставляют крупнейшие монополии «Мицубиси», «Кавасаки», «Хитати» и другие. И все же армия — это не только ракеты, танки, самолеты. Нужна гумбацу — военщина. И тут-то происходит осечка за осечкой.

Не так давно специальная комиссия Управления национальной обороны обнаружила, что на складах хранятся 58 тысяч бесхозных винтовок. Выяснилось, что в стране не ладится с вербовкой рекрутов. По утвержденной разнарядке в «силах самообороны» Японии должны постоянно находиться 179 тысяч человек. А их едва набирается 155 тысяч. Подтянуть эту цифру до уровня никак не удается. 200 вербовочных пунктов с огромным штатом сотрудников не могут сдвинуть дело с мертвой точки, хотя молодых людей нужного возраста — от 18 до 24 лет — в Японии сейчас почти 7 миллионов человек — на 10 процентов больше, чем в 1960 году.

Японская народная пословица гласит: «Волна поднимает все лодки». Вспомнили про чудодейственную силу рекламы. И вот отряды солдат, переодетых в штатское, с утра до вечера носятся по улицам городов, расклеивая плакаты с изображением бравого парня в униформе корабельного кока. На фоне рулевого штурвала и кухонных аксессуаров он бодро-весело стряпает омлет и призывает: «Выжимай из службы самое необходимое — удостоверение на право работать поваром и дух независимости!»

Но десятки тысяч винтовок продолжают без дела лежать на складах — перспектива приобрести профессию военного повара, а заодно и «дух независимости» не увлекает большинство японских парней, хотя все они росли в атмосфере уважения и любви к национальным традициям. Все дело в том, повторим, какие привычки и обычаи считать «истинно японскими».

В Японии очень любят старинный «праздник мальчиков». Перед жилыми домами на высоких шестах вывешивают пестро раскрашенных бумажных карпов по числу сыновей в семье. Карп в Японии испокон века олицетворяет мужество, стойкость. Эти красочные символы, раскачиваемые порывами ветра, оживляют серый городской пейзаж. Любуйся, прохожий, разве тебе не интересно узнать, сколько мальчиков в семье Канагара-сан? Заблаговременно готовятся к празднику крупные магазины и универмаги. На прилавках выставляют кукол в причудливых шлемах «кабуто» и костюмах старинных воинов «йорои». В них играть не принято: размером с 5—10-летнего ребенка, они предназначены лишь для украшения дома да и стóят раз в десять больше, чем месячное жалованье солдата «сил самообороны». Поэтому такие игрушки живут в семьях годами. Их извлекают из укромного места на время праздника и убирают по его окончании. Но любовь к гуттаперчевому воину совсем не означает, что Канагара-сан и его сыновья мечтают напялить военные доспехи на самих себя и мечом и огнем доказывать «исключительность расы Ямато». Дело с «лишними» винтовками — хорошее тому подтверждение.

Но часть японской молодежи, к сожалению, поддается демагогии милитаристов, их систематической и упорной пропаганде. Обычная здесь картина: главари ультраправых группировок, подкармливаемых монополиями, разъезжают по улицам и через громкоговорители выкрикивают свои лозунги — призывают к реставрации старой конституции, требуют создания самой могущественной в мире армии. До недавнего времени их кумиром и идеологом был известный литератор Юкио Мисима, который вспорол себе живот мечом перед остолбеневшей толпой солдат и офицеров, надеясь таким поступком отчаяния вселить в них самурайский фанатизм.

В Японии до сих пор немало людей, которые видят в мече не просто холодное оружие, но олицетворение наивысшего самурайского духа. Недаром фехтование на мечах — обязательный предмет в войсках «сил самообороны». Наиболее преуспевающих выделяют среди прочих. Четвертый высший разряд получает тот, кто может выполнить такие приемы, как «полет ласточки», то есть разрубить человека надвое по го-

ризонтали, или «пикирующий журавль» — резкий удар клинком наискось от правого плеча до левого бедра.

25 лет назад в Токио было создано общество с длинным названием «Ниппон Бицзуцу Токэн Хоцзон Кийокай», что означает «Общество меча». Его возглавил 69-летний знаток самурайских догм некто Хонама. Сейчас он по совместительству занимает пост директора музея, где собрана богатейшая коллекция старинных самурайских мечей.

Матово поблескивает подсвеченная мертвящим неоном сталь клинков. Легкие белоснежные покрывала резко контрастируют с холодом стали. У каждого меча — своя история, свои хозяева — прежние и настоящие.

Господин Хонама знает эти истории наизусть. Может рассказывать их без конца — было бы кому слушать.

Он может дать и добрый совет. Например, знает, в каком универмаге или специализированной лавке можно приобрести мечи. И если вам не по карману клинок за десять миллионов иен, то, оказывается, в универмаге «Даймару» устроители распродажи позаботились и о простых смертных. Там можно купить неплохой клинок за 200—300 тысяч иен (среднемесячная зарплата японского рабочего — 90 тысяч иен).

Культ самурайского меча своим воскрешением во многом обязан упомянутому выше Мисиме (кстати, имевшему высший разряд по фехтованию на мечах), который употребил свой литературный талант на возвеличивание и пропаганду «истинно японского» (в его понимании — самурайского) духа. У Мисимы нашелся и прямой последователь, коллега по перу — С. Исихара, депутат от ЛДП в палате представителей.

В книге «Сезон солнца» он призывает покончить с «атомной аллергией» во имя вооружения Японии. «Я считаю, — пишет Исихара, — что обеспечить себе вес на международной арене Япония может единственным проверенным методом — с помощью «дипломатии канонерок». В современных условиях ее может заменить «ядерная дипломатия».

Осенью прошлого года губернатор Большого Токио Минобэ, человек прогрессивных взглядов, официально заявил, что отныне и навсегда в столице запрещается проведение военных парадов «сил самообороны». Его горячо поддержали токийцы. После этого Исихара, собиравшийся баллотироваться на пост губернатора Токио в 1975 году, счел за благо снять свою кандидатуру. Но он и его единомышленники по-прежнему располагают большими возможностями для ведения милитаристской, шовинистической пропаганды через книги, газеты, радио и телевидение и даже через школьные учебники.

На последнем съезде Всеяпонского профсоюза учителей говорилось о том, что многие учебники не пересматривались уже по десять лет, а то и больше, хотя проникнуты откровенно националистическим, реваншистским духом. К каким результатам приводит подобное просвещение юношества, показывают события, происшедшие недавно в частном Токийском университете «Кокусикан», студенты которого ни за что ни про что жестоко избили корейских учащихся. Две недели подряд в июне нынешнего года газеты писали о рейдах полиции в университет, состоянии здоровья пострадавших, печатали слезливые письма японских родителей, защищавших погромщиков. Но скандальная расистская подоплека инцидента оставалась за рамками репортажей. Наконец в руки журналистов попали документы, пролившие свет на предысторию избиения.

Прежде всего выяснилось, что особое место в этом вузе занимает предмет, именуемый «практической этикой». Среди лекторов первым в списке фигурировал С. Исихара. Курс «практической этики» сводится к восхвалению старой довоенной морали, прославлению императора, разглагольствованиям о превосходстве японцев над прочими нациями. С кафедры проповедовался антикоммунизм, выливались ушаты грязи на Советский Союз и страны социалистического содружества.

На территории университета время от времени устраивались настоящие военные парады, на которых звучали напыщенные речи о «солдатской доблести». Ректор лично объезжал на машине строй студентов и поздравлял их, например, с отмененным после войны праздником День Японии. Каждый факультет на парадах возглавлял инструктор «из бывших воинов императорской армии».

По словам известного японского публициста, специалиста в области образования К. Канадзава, университет «Кокусикан» стал рассадником реваншистских идей. «40-страничная инструкция для студентов, — говорит он, — проникнута тоской по милитаризму, а история истолковывается с «имперской точки зрения».

Публичный скандал после избиения корейцев, как выразился Канадзава, «вскрыл гнойник». Многие студенты «Кокусикан» уже потребовали провести в университете демократические преобразования и покончить с пропагандой милитаризма. Они все-таки прозрели.

...Нудный моросящий дождь сопровождал меня всю обратную дорогу из Сагамихары в Токио. Сквозь его серую пелену лабиринт безымянных проулков в предместье столицы казался бесконечным и особенно унылым. Впрочем, что погода? Не помешала же она ребятам из токийского района Минато-ку отправиться в неблизкую Сагамихару и простоять несколько часов в пикете под настороженными взглядами полицейских.

В это утро ни один танк так и не прорвался в порт Иокогаму. Но спустя несколько дней газеты скупо сообщили, что танки все же были доставлены в Иокогаму под покровом темноты и быстро погружены на транспорты.

Наверняка были в сагамихарских пикетах делегаты и от этих сейчас безлюдных и вымокших переулков, думаю я, въезжая в собственно Токио. На одном из людных перекрестков огибаю стоящий у тротуара грузовик, обвешанный флагами и динамиками, транспарантами: «Долой мирную конституцию!» В кузове грузовика с микрофоном в руках мечется человек. Что-то кричит, патетически жестикулирует. Прохожие, укрывшись под зонтиками от дождя, спешат по своим делам.

Еще поворот — передо мной маячит Токио-тауэр, башня, с которой так хорошо и далеко видится.

Токио, авиапочтой

ПОСЛЕ ЗАТМЕНИЯ...

Б. ТУМАНОВ,
соб. корр. ТАСС

Город Атар торжественно нетороплив и медлителен, как, впрочем, все города Мавритании. Он признает, как и многие века назад, только два цвета: медно-красный и голубой — цвет солнца, песка, глинобитных домиков и цвет мавританской длинной рубахи — тоги. Его прямые улицы упираются одним концом в главную площадь, а другим — в пустыню, в ничто.

Раскаленное солнце и мягкий песок словно обволакивают город плотной, вязкой тишиной. Жители Атара не ищут тени и не сгибаются под солнцем, гордо подставляя ему свои бронзовые иссохшие лица аскетов. Этот город живет как бы за прозрачным стеклом аквариума — он почти осязаем, доступен, но у него своя жизнь, которую он позволяет созерцать, но не больше, сам оставаясь совершенно равнодушным к внешнему миру, к его бедам и радостям...

Редкие атрибуты цивилизации двадцатого века выглядят здесь смешно и нелепо; город относится к ним со снисходительным презрением и терпимостью, может быть, чуть раздражаясь, когда по его улицам, неприлично гремя и пыля, проезжает какая-нибудь легковушка. Она выглядит суетной мирской забавой в благочестивейшем из монастырей, и мавританец, сидящий за рулем, с напряженной извиняющейся улыбкой смотрит только вперед, избегая встречаться взглядом со своими согражданами. Но никто не смотрит на него, и никто не замечает машины: ни люди, ни козы, спокойно жующие что-то посреди улицы, ни верблюды, лежащие у заборов. В привычную жизнь Атара необычные события не врываются, они медленно входят в нее шагом верблюжьего каравана; новости не спешат сюда издалека, ибо город, занятый самосозерцанием, неминуемо отвергнет любую из них, если она нарушает его привычное представление о мире, о жизни. Кажется, что ежедневно бушующий океан мировых событий бессилен хотя бы слегка поколебать, нарушить привычный ход мыслей атарских жителей; что здешняя тишина способна заглушить, поглотить в себе грохот даже мирового катаклизма...

Старик сидел у стены дома, подобрав под себя худые ноги в складках когда-то голубого бубу, и в резкой тени его смуглое лицо казалось почти черным. Он даже не покосился на нас, глядя по-прежнему куда-то вдаль, спокойно и пристально.

— Спроси его, — попросил я своего добровольного переводчика — пятнадцатилетнего атарского парнишку, — слышал ли он, что такое атомная война? — Уже несколько минут мы топтались рядом со стариком, и я все прикидывал, каким бы хитрым вопросом расшевелить эту неподвижность, разрушить эту дразнящую журналистскую душу замкнутость, пока, наконец, не решился действовать напрямую.

Мальчик заговорил на хасания почтительным полушепотом. Старик, не поворачивая головы, искоса взглянул на меня и ответил односложно.

— Он говорит, что да, слышал.

— Его пугала возможность такой войны?

Старик прищурился и произнес что-то резкое, глядя уже прямо мне в глаза.

— Он говорит, что не боится никого и ничего, кроме аллаха...

Тогда я попросил мальчишку перевести, что задаю свои вопросы не из праздного любопытства, что меня интересует мнение старика о переменах, происходящих в мире. Не может же быть так, что они вовсе его не касаются... ведь ему они гарантируют спокойную и мирную жизнь, пытался я в простых выражениях растолковать старику свой вопрос. Старик некоторое время слушал молча, потом улыбнулся едва заметно, одними глазами, и перебил мальчишку короткой фразой.

— Он слушает радио, — сказал мальчишка, улыбаясь до ушей.

А старик продолжал говорить, и мальчишка, торопясь, не сразу находя нужные слова, шептал мне, что старик никогда не боялся смерти, что все люди рано или поздно заканчивают свой жизненный путь, но когда люди, враждовавшие между собой, решают свои споры в мирной беседе, то это не потому, что они боятся смерти, а потому, что они мудры.

Старик умолк и словно отрешился от беседы, а мальчишка договаривал последние слова: «...потому что они мудры».

...Хозяева этого дома — европейцы, но гостей своих принимают, как правило, на мавританский манер — им кажется, что это сближает их с местным населением. Вот и сегодня в маленьком каменном дворике, служащем прихожей, соседствуют, дожидаясь своих владельцев, дамские туфельки, мужские ботинки и мавританские сандалии. В гостиной — ковры и подушки: европейцы сидят, неловко поджав под себя ноги в носках, мавританцы чувствуют себя намного привольней, полулежа в привычных позах. Пахнет свежесваренным кофе и терпким мавританским чаем с мятой. Наступило время обычных после ужина шумных разговоров, но этим вечером споров не слышно: все внимательно слушают почетного гостя — заезжего лектора, который провел пятнадцать лет в Индии и вот теперь «несет в народ» сведения о роскоши и великолепии, окружающих индийских махараджей. Рассказывает он профессионально: «...если рассматривать эту проблему шире (округлый жест), то, собственно, богатство нынешней индийской знати представляется лишь декоративным аксессуаром. Истинная суть существования махараджей заключается в том, что именно они являются сегодня хранителями подлинно национальных духовных ценностей и традиций Индии, точно так же как (полупоклон в сторону мавританца) бедный, но гордый наш (энергичный взмах руки) кочевник-скотовод носит в себе частицу духовных ценностей мавританского народа. И я считаю, что именно эти люди — в Индии, как и в Мавритании, — помогут своим странам найти свое место в мире, в то время когда страны, принадлежащие к европейской цивилизации, равнодушно взирают на них, предпочитая искать общий язык между вчерашними антагонистами, устраивая свои собственные дела и игнорируя нужды «третьего мира». И кочевник-скотовод, и махараджа совершенно справедливо платят цивилизации разных стран тем же равнодушием: в самом деле, что им до того, ссорятся или сближаются Россия и Америка! Они счастливы — каждый по-своему, разумеется, — счастливы в своей гордости, в своем достоинстве...»

Из груды подушек в углу гостиной громко и отчетливо доносится чей-то голос:

— А я не хочу оставаться кочевником-скотоводом...

— Как-как, простите?

Мохамед-ульд-Мулуд, известный мавританский историк, садится поудобней, улыбнувшись, повторяет:

— А я не хочу оставаться кочевником-скотоводом.

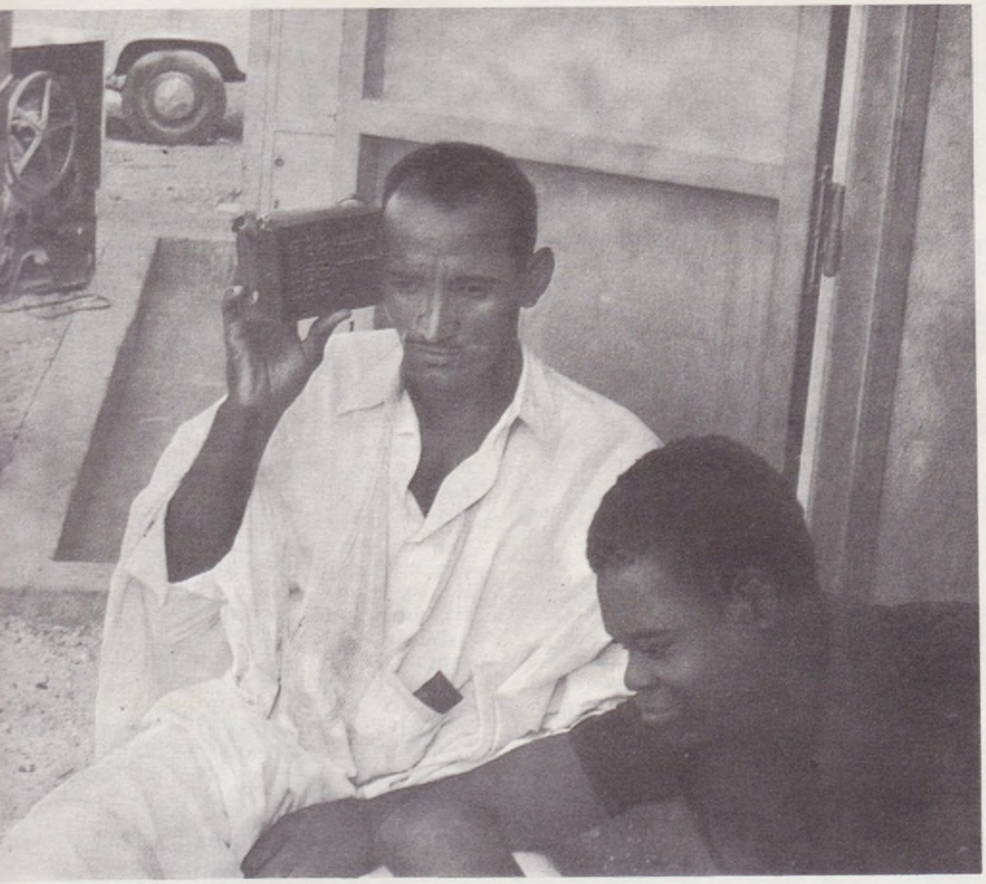
Улыбка его дружелюбна и простодушна, но голос не скрывает сарказма.

— Ну конечно, конечно, — поспешно подхватывает лектор. — Я прекрасно вас понимаю...

— Боюсь, что нет, — отвечает Мохамед. — Я совершенно не завидую махараджам, бог с ними и с их богатствами. Я ничего не имею против верблюдов — они славно послужили моим предкам и послужат нам еще много лет. Но я не хочу, и все мы — кочевники и оседлые мавританцы, — все мы не хотим, чтобы верблюд навеки оставался нашим единственным средством транспорта во имя ложно понятого достоинства. Я, например, хочу видеть Мавританию покрытой асфальтовыми и железными дорогами, с собственной промышленностью, Мавританию, оснащенную современной техникой и — почему бы нет? — электронными машинами. Мы по горло сыты нашей бедностью, в которой вы — да и не только вы — пытаетесь видеть все, что угодно, — от экзотики до национального духа, все, кроме правды. На самом же деле национальным духом здесь и не пахнет. Наша бедность — это наше несчастье. И вы ошибаетесь, считая, что мы предпочитаем гордую изоляцию от внешнего мира во имя сохранения национального достоинства. Напротив, нам нужно много узнавать, многому учиться, и поэтому я лично отнюдь не равнодушен к тому, будет ли мир по-прежнему разделен на враждующие лагеря, будет ли атомная война или нет. Каковы бы ни были причины «холодной» или «горячей войны», кочевник-скотовод страдает от нее так же — если не больше, — как и европейский квалифицированный рабочий. А этот кочевник хочет видеть своих детей образованными, а Мавританию богатой и процветающей, где верблюдов будут показывать, в конце концов, тоже только в зоопарках. Поэтому и ему и мне приятно слышать о том, что опасность войны уменьшается. Великие державы начинают сотрудничать — прекрасно! Нам это совершенно небезразлично. И знаете почему? Да потому, что один непостроенный авианосец — это асфальтовые дороги для всей Мавритании. И еще я хочу у вас спросить — тут уже речь идет об элементарной логике, — почему, скажите, пожалуйста, почему русские, которые оказывали Африке экономическую помощь еще до их сближения с Америкой, перестанут это делать после нормализации своих отношений с американцами, после того как в мире становится вообще легче жить и люди меньше думают об оружии? Нет, знаете ли, я решительно не хочу оставаться кочевником-скотоводом...

Акжужт беззащитно лежал под ослепительно ярким солнцем, и его приземистые домики, казалось, совсем вросли в землю, придавленные раскаленным золотистым потоком, льющимся с неба. Воздух потерял прозрачность. Над городом воспаленно мерцало красноватое марево.

Путь от Атара до Акжужта сравнительно невелик и нетруден — всего 200 километров сносной грунтовой дороги с десятком песчаных заносов. Путешествие по ней прошло без всяких приключений, но вести в этой жаре машину дальше без отдыха, пусть и по асфальту, я был не в состоянии. В клубе местного завода, перерабатывающего медную руду, было шумно, у бара стояла толпа. На креслах и столах вперемежку — куртки, посуда, дорожные

«Все мы — кочевники и оседлые мавританцы, — все мы не хотим, чтобы верблюд навеки оставался нашим единственным транспортом... Нам нужно много узнавать, многому учиться...»
Фото автора

сумки, фотоаппараты. Не скажу, что встреча с экзотическими для здешнего края европейцами была для меня неожиданностью: я знал, что в Акжужт приехали американские астрономы-любители, чтобы наблюдать за солнечным затмением 30 июня. Я занял освободившийся табурет, и мавританец с сочувственно-понимающей улыбкой поставил передо мной запотевший стакан с оранжадом.

Высокий американец с копной черных волос, стоя рядом, оживленно объяснялся с барменом. Он сильно жестикулировал, и зажатая в его кулаке газета все время мелькала передо мной. Скосив глаза, я прочитал название газеты. Это была «Интернэшнл геральд трибюн». Потом я попытался прочитать заголовок передовой статьи. Газета была свернута в трубку, и полностью прочитать заголовок мне не удалось. Я разобрал: «Брежнев и Никсон... опасность атомной войны». Американец заметил мои усилия и, улыбнувшись, положил газету передо мной на стойку. Я развернул ее. Заголовок гласил: «Брежнев и Никсон подписывают соглашение, устраняющее опасность атомной войны».

— Извините, пожалуйста, — сказал я американцу, — если вы не против, я хотел бы задать один вопрос.

— А в чем, собственно, дело?

— Дело в том, — ответил я, — что я советский журналист, и мне очень хотелось бы знать, что вы думаете об этом. — Я показал на заголовок.

Американец недоверчиво повторил: «Советский журналист...» — и было видно, что он никак не мог сообразить, каким образом здесь, в пустыне, оказался человек, именующий себя советским журналистом. Но уже через несколько секунд он засмеялся.

— Ах, ну да, конечно! Вы тоже приехали на солнечное затмение! Понятно-понятно... Так вот, я думаю, что это очень и очень неплохо. Черт побери, — вдруг снова засмеялся он, — вы знаете, что я впервые разговариваю с русским? Да еще с журналистом! Да еще в Мавритании! Ну так вот, — повторил он, — я с большим одобрением отношусь к встрече Брежнева и Никсона у нас в США. И как я понимаю, здесь речь идет не только об атомной войне — здесь все гораздо сложнее, масштабнее. За последний год мы научились не пугать друг друга ракетами и бомбами, теперь нам надо научиться дружить. Это самое главное, не правда ли?

Я спросил американца, как его зовут; он тщательно выговорил свои имя и фамилию — Джордж Бристоу, улыбнулся и протянул руку.

— Послушайте, — сказал он, пожимая мою, — все это не совсем обычно... И еще вот что, вы, наверное, будете писать о нашей встрече, это естественно. Так вот, я думаю, вам не стоит называть меня по имени... Нет-нет, — заторопился он. — Поймите меня правильно... Мне просто не хочется, чтобы ваши читатели воспринимали мои слова как личное мнение одного конкретного человека. Я знаю, я уверен, что многие, очень многие американцы думают, как я. Или, вернее, я думаю, как они. В общем, поступайте как хотите...

Я записал наш разговор тут же, за стойкой бара, и американец, встречаясь со мной взглядом, издали понимающе кивал мне головой.

Нуакшот — Москва

ПАВАНА ДЛЯ МЕРТВОГО ПРИНЦА

РАССКАЗ

Ш. ДИЛЕНИ,
английская писательница

В дни моего детства, если кто-нибудь умирал, это было не только горе (а иногда радость), но и зрелище. В ту пору, да и теперь у друзей, родственников и у всех окружающих было в обычае навестить дорогого усопшего, прежде чем тело его будет предано земле. По большей части люди приходили взглянуть в последний раз только на тех, кого хорошо знали при жизни, но иные, не столь разборчивые, шли поглазеть на каждого покойника, все равно — знакомого или незнакомого. Помню женщину (она называла себя подругой моей матери, хотя мама ничуть не скрывала, что презирает ее), которая не пропускала ни одних похорон, любовалась ими, словно знаток — произведением искусства. Каждый вечер она впивалась в газетную колонку некрологов и отмечала достойных внимания мертвецов, ради которых не жаль проехаться через весь город.

— Фредерик Корни... девяносто пять... вон до каких лет дожил... Мария Моравия... шести лет... упокой, господи, ее душу, совсем малютка... имя какое-то иностранное...

Вот так она, бывало, перепишет имена, фамилии и адреса в красную книжечку, а потом с подобающим случаю скорбным видом заявляется в дом и просит позволения взглянуть на покойника. И ей почти никогда не отказывали.

Смерть вызывала у этой женщины жадное, ненасытное любопытство. В детстве я думала — если поглядишь на покойника, это приносит счастье, все равно как тронуть моряка за воротник или подобрать булавку, но, когда стала постарше, поняла: просто у нее такая страстишка, и страстишку эту в нашем доме не слишком одобряют. Бывало, отец мой читает газету, мама занята делом, а ее приятельница знай твердит свое:

— Девочка еще, ребенок, да-да. Совсем крошка. И такая красавица, лежит ну прямо как живая. Родные у нее католики. Кругом гроба все свечи, свечи. А у нее, у бедняжки, щечки розовые-розовые и губки красные-красные.

Тут отец, бывало, подмигнет мне, а мама плюнет на утюг. Слюна зашипит на раскаленном утюге и отлетит свинцовой дробинкой...

Павана — медленный, торжественный испанский танец.

Четырнадцати лет он бросил школу и пошел работать в шахту вместе со своим отцом. Каждый вечер они вдвоем возвращались домой, с головы до пят в угольной пыли. И пока не отмоются дочиста, их в дом не впускали. На задворках в любую погоду они раздевались до пояса и окатывали друг друга водой, ведро за ведром. К тому времени, как Бенджамен кончал оттирать себя мочалкой, он сверкал, как медный таз. Он был рослый, сильный паренек, и чем дольше ворочал лопатой уголь, тем крупней и сильней становился. Но не из тех страхолюдных силачей с выпирающими буграми мускулов, что больше смахивают на обезьян, ищут случая показать свою силу и непременно участвуют в конкурсах на титул «Адонис такого-то года» или «мистер Вселенная». Очень сильный, но при том стройный, гибкий, изящный. Девушки, все до единой, были от него без ума. Ахали, повстречав на улице. Чуть не в очередь становились — подходи и выбирай любую. Писали ему любовные записочки и посылали с какимнибудь мальчонкой — таким манером мальчонка зарабатывал пенни, а иногда и шестипенсовик, смотря по тому, насколько пылала страстью отправительница. И всякий раз, как Бенджамен выбирал которую-нибудь, было ясно: он поведет ее на танцы. Он очень любил танцы. Смотреть, как он танцует, тем более танцевать с ним — это был настоящий праздник.

Однажды в субботу, теплым сентябрьским вечером, он повел меня на представление, которое давали невесть откуда взявшиеся испанские цыгане, — такие представления затевала в местном театрике одна организация, которой вздумалось непременно приобщить рабочий класс к культуре. Мы разглядывали наклеенную у входа афишу. В ней так и говорилось: НАСТОЯЩИЕ ИСПАНСКИЕ ЦЫГАНЕ. Мы переглянулись и снова уставились на афишу. Кончита. Хосе. Мария. Ирма. Поглядели на фотографии. Если кто полагает, что нам не хватает культуры, ладно, пусть их. Но чтоб нас в придачу считали за круглых дураков — это уж слишком. И все же мы решили рискнуть и купили билеты. Как только эти «настоящие цыгане» гордо протопали на сцену, стало ясно, что подозрения наши не напрасны. Никакой Испанией тут и не пахло. У меня у самой в жилах течет испанская кровь, хоть и разбавленная, ведь моя прабабушка сбежала когда-то из Барселоны с моим прадедушкой — он был моряк, тоже родом из этого прекрасного города, — а испанец испанца всегда признáет. И однако, мы не стали обижаться на обман. Бродячую труппу эту составляли: малорослый жилистый человечек с волосами точно раскосмаченная проволочная мочалка для кастрюль; три женщины — одна высокая и тощая, другая низенькая, в меру полная, третья огромная и тучная; и, наконец, паренек, который в иные минуты играл на гитаре, а чаще старался расколотить ее вдребезги. Долговязая женщина кривлялась, точно клоун, — выгибала спину, скрипела зубами; низенькая была примечательна только тем, что скалилась в широчайшей улыбке — так и сверкала при свете рампы ослепительными вставными зубами; толстуха громко топала по сцене из угла в угол, одной рукой высоко подбирала юбки, показывая ноги, толстые, как бревна, другой трясла, позванивала нацепленными на пальцы крохотными золотыми бубенчиками; мужчина, весь в черном, с напускной свирепостью разыгрывал умопомрачительные сценки: то изображал бой быков, то сражался на дуэли, укрощал ретивых коней и строптивых женщин, залпом, стакан за стаканом, пил вино и так неистово встряхивал головой, что просто непостижимо, как эта швабра не слетела напрочь со своей рукоятки. Хоть мы сроду не видали подобных танцев, мы и без подсказки ученых знатоков прекрасно понимали: представление это далеко не первый сорт. А все-таки смотреть было одно удовольствие. Может быть, потому, что сами актеры явно наслаждались. Зрители восторженно орали, а иногда и шикали, мяукали, выкрикивали что-нибудь очень даже нелестное, но танцоры ничуть не обижались и знай старались изо всех сил. Под конец маленький человечек до того разошелся, что у его кожаных сапожек от неистовой пляски отлетели подметки. Мы хлопали ему так, что ладони совсем распухли и побагровели, и спать улеглись в тот вечер очень довольные отпущенной нам порцией культуры.

Мы жили на одной и той же улице, и дома наши стояли друг против друга. Все дома на нашей улице — по правой ли, солнечной стороне, по левой ли, которая всегда оставалась в тени, — были одинаковые. Две комнаты наверху, две внизу, ни ванной, ни сада, только позади каждого дома дворик. Комната Бенджамена была как раз напротив моей, и в иные вечера, если мы ложились в постель, не задернув занавески, нам было видно друг друга, а сколько раз мы даже переговаривались в окно, через узкую улочку. Однажды вечером, собираясь спать, я глянула в окно к Бенджамену. Что это он делает? Сперва мне показалось — у него жестокий приступ пляски святого Витта, в недоумении я присмотрелась — и вдруг до меня дошло. Так вот почему он весь извивается, топает каблуками, бьет в ладоши и вскидывает голову: это он учится танцевать на «испанский» манер! Еще долго я втихомолку следила, как он каждый вечер самозабвенно предавался этому занятию. Он не знал устали. Это было захватывающее зрелище. Я ни разу ни словом не обмолвилась ему про эти его цыганские пляски, и он тоже ни разу мне про них не заикнулся.

На пасху Бенджамена свалил ревматизм. Его положили в больницу, и он пролежал там несколько месяцев. Когда наконец он выписался, я пришла его навестить. Он как-то весь потускнел, поблек. О чем говорить с человеком, которого любишь, если он перенес тяжелую болезнь? Можно сказать, как ты огорчена тем, что он хворал. Как ты по нему стосковалась. Как тосковала бы, если б его не стало. Можно пожелать ему поскорей поправиться, но отчего-то в такие минуты язык не слушается и все слова звучат совсем не так, как хочется, а потому я просто молчала. После болезни у Бенджамена ослабло сердце, теперь всякая нагрузка была ему опасна, доктора строго-настрого запретили утомляться. Долгие недели он лежал в кровати — отец перенес ее вниз и придвинул к окну, чтобы Бенджамену видно было, что делается на улице. Чего он только не навидался из этого окна! Не знаю, сколько тут было правды и сколько он присочинял от скуки, но рассказал он мне с три короба, и мне казалось — я знаю о чужих делах куда больше, чем люди сами о себе знают. Кое-кто говорил — не годится мне так часто навещать Бенджамена, ему это больше во вред, чем на пользу. Может, они были и правы. Не знаю. Я не сидела у него, когда там бывали другие. Меня всегда бесили их жалкие слова и жалостливые физиономии. Ну конечно, жаль, что он совсем не может ходить и должен лежать в постели, но вовсе незачем каждую минуту ему об этом напоминать.

— Скоро ты опять станешь на ноги, сынок, — бодренько приговаривали эти посетители.

— Доктора ничего не понимают. А уж бесплатные, городские — тем более. Через годик в эту пору ты будешь отплясывать в танцевальном зале миссис Джоунз не хуже других.

Я смотрела на них и думала — вот кто жалок, уж до того противно их притворство, их напускная уверенность. На беду, мне никогда прежде не доводилось навещать больных. И во всех тонкостях принятого тут поведения я не разбиралась. Меня вводили к моему побледневшему, облаченному в пижаму другу, и вместо какой-нибудь почтенной родственницы при нас оставались ваза с фруктами, кувшин апельсинового сока и запах лекарств. Намерения у меня всегда были самые похвальные. В начале каждого такого вечера я бывала уж до того кроткая, терпеливая и уступчивая, что дальше некуда; но мы были оба горячие, вспыльчивые, совсем не умели рассуждать здраво и трезво — и, понятно, очень быстро тишь да гладь обрывалась яростной ссорой. И, конечно, уходя, я чувствовала, что сама во всем виновата. А если мы не ссорились и не спорили, то дурачились и хохотали без удержу — и это было для больного не менее опасно. Такой уж он был, ни в чем не знал меры. Бывало, скажу чтонибудь забавное, хвать — оба мы уже покатываемся со смеху, держимся за животики. Тогда его мать посмотрит на меня с укором, и я ухожу. Как ни верти, всегда окажешься виновата — так я думала тогда, так думаю и сейчас.

А потом пришел день, когда ему позволили встать с постели. Наконец-то! Он прямо дрожал от радости. А до чего он исхудал! В какую-то минуту я взяла его руку и посмотрела на свет, она была совсем прозрачная. В лице у него не осталось ни кровинки, и глаза глубоко запали, того гляди провалятся до самого затылка. Ему позволили два раза в день пройтись по парку.

— Подумаешь, удовольствие! — сказал он на это.

Парк у нас крохотный и очень жалкий. Деревья серые от пыли и грязи — вот он, так называемый свежий воздух в промышленном городе. Под ногами храбро пробивается трава, точно истоптанный ковер. По клумбам под видом маленьких детей и кротких старушек рыщут зловредные воры, палачи и убийцы цветов. Бенджамен проходил по парку дважды в день, старался идти как мог быстрей — все здесь было ему ненавистно. А до мест получше, зеленых и тенистых, было слишком далеко, туда его не отпускали. Что до работы в шахте, доктор сказал — с нею покончено

навсегда и с танцами тоже. И от этого Бенджамену было очень тошно.

— Надо тебе заняться чем-нибудь еще, только и всего, — сказала я ему однажды вечером.

— Чем же, к примеру?

— Да, к примеру, хоть на пять минут перестань дуться.

— Ты бы на моем месте еще не так дулась.

— Сама знаю. Что ж, ты всю жизнь и просидишь вот так, сложа руки, надутый и несчастный?

— Так и просижу.

— Ну и пожалуйста, только не надейся, что и я стану около тебя сидеть.

— Я думал, ты меня любишь.

— Люблю.

— Что-то не видать.

— А что, по-твоему, я должна делать?

— Утешай меня. Будь со мной поласковей. Видишь, какой я стал слабенький.

— Вот я тебя утешу, дождешься. Кирпичом по башке. Читал бы книжки.

— Не люблю я читать.

— Ну рисуй.

— Не умею.

— Так, может, научишься шить и вязать?

— Ну ясно, а ты пойдешь в шахту колупать уголь.

— Почему ты не говоришь со мной серьезно?

— Уж куда серьезней...

Он ненавидел свое больное сердце. Станет, бывало, прижмет руку к груди и старательно, с чувством перебирает подряд ругательство за ругательством:

— Подлое сердце, сволочное сердце, растреклятое сердце, дерьмовое сердце...

Как-то вечером мы возвращались из кино — мы смотрели неплохой фильм про известную на весь мир пианистку, неслыханную красавицу, которая вдруг узнала, что скоро умрет от чахотки, — и тут Бенджамен позвал меня к себе поглядеть, как танцуют настоящее испанское фламенко.

— А кто будет танцевать? — удивилась я.

— Честь имею представиться, знаменитый танцор Фердинандо Джоунз.

— Ну ты поосторожней, а то придется тебе отдыхать в уютном уголке на Сент-Джеймском кладбище, — сказала я.

— Знаю, — отозвался он и лихо проскакал по «классам», которые мелом расчертили на тротуаре детишки. — Но имей в виду, один-то раз старик еще способен сплясать.

Представление это пришлось окутать величайшей тайной. Бенджамен выждал, пока отец с матерью уйдут из дому. Знай они, что́ он затеял, они бы просто рассвирепели. С меня он взял честное слово держать все в секрете, заставил поклясться жизнью моей матери, что я ни одной душе слова не скажу. И вечером за руку провел меня в свою комнату. Окно он завесил плотным, темным солдатским одеялом назло всем сплетникам. Заткнул все щели в двери и стенах, чтоб со стороны было не так слышно. И завел патефон.

— Больно ты мудришь, стоит ли игра свеч?

— Будь уверена, ты этого век не забудешь. Это будет самое замечательное событие в твоей жизни и в моей тоже.

Сперва он все подшучивал над собой, но потом увлекся и уже не стеснялся. Он танцевал самозабвенно. В него точно бес вселился. Он весь отдался танцу, прямо какое-то сияние от него исходило. От его вида, от звона гитары я стала как пьяная. Лицо его светилось, и на меня опять нахлынула та неистовая, пугающая жажда чего-то небывало прекрасного, которую мы с ним когда-то уже изведали. А потом все кончилось. Мы в упор глядели друг на друга. Мы ненавидели друг друга, как заклятые враги. Он совсем задохнулся. Повалился поперек кровати, и лежал не шевелясь, и широко раскрытыми глазами смотрел в потолок. И вдруг без удивления, без страха я подумала: а ведь он умрет. Умрет ли прямо сейчас, у меня на глазах, я не знала, да это было и не важно. Но он умрет. Я ощутила под ладонью громовые удары его сердца, коснулась губами яростно бьющейся жилки на шее и ждала — вот оно, теперь начнется.

— Все равно пропадать... — с трудом выговорил Бенджамен, он уже немного отдышался. — Все равно пропадать...

Потом спросил:

— Думаешь, я спятил?

— Почему это?

— Да вот, что так плясал?

— Ничего ты не спятил.

— А вид был дурацкий?

— Тебя это очень беспокоит?

— Ни капельки.

— Вовсе не дурацкий. Было очень красиво, просто чудо.

— Если кто узнает, что я любил такие танцы, скажут, я был дурак.

— Да кто скажет? Только такие, для кого все дурь и чепуха, раз они этого сами не знают и знать не хотят.

— До болезни я тренировался. С того вечера, как мы смотрели тех поддельных испанцев, — помнишь? Они мне очень понравились. Я люблю так танцевать. Тут не просто танцуешь. Верно? Как по-твоему? Уж ты поверь, ни от какого фокстрота так не загоришься, фламенко — это совсем другое...

И пошли, потянулись один за другим. Мужчины и женщины... зеваки, прикидываются печальными, а самим просто любопытно... склоняют головы, у всех такие скорбные, пристойные лица, все ведут себя как положено. Снимают шляпы. На глазах слезы. Глубочайшее сочувствие. Молчат. Перешептываются.

— ...какое горе...

— ...совсем молоденький...

— ...хорошо умереть молодым...

— ...несчастная мать...

— ...какая утрата.

А все-таки он еще раз был счастлив, весь прямо светился.

— Чего ты улыбаешься, девочка?

— Просто так.

Перевела с английского Нора ГАЛЬ

Рис. А. Бабановского

МЫШОНОК, КОТОРЫЙ НЕ ЕСТ СЫРА

На экране телевизора наш старый знакомый Мики Маус, которому в этом году исполнилось сорок пять. Не так плохо для мышонка, если учесть, что его серые собратья живут не больше пяти лет. К тому же Мики не стареет. И энергии у него не убавилось с возрастом, наоборот, его даже называют теперь «Могучий Маус». В общем, в рядах американских «суперменов» прибавление — «супермышонок»!

Прообразом Мики Мауса, как утверждает одна из голливудских легенд, был мышонок, который жил в комнате Уолта Диснея, когда тот был еще беден. Дисней, как это ни парадоксально, сам никогда не мог хорошо нарисовать Мики Мауса, зато чуть ли не 20 лет говорил за него в фильмах. Популярность Мики Мауса в мире так велика, что во время открытия второго фронта солдаты союзных армий при высадке на побережье Франции пользовались его именем как паролем.

По популярности среди графических образов на Западе Мики Маус занимает третье место после изображений «Битлз» и бутылки кока-колы. В магазинах можно купить обои с Мики Маусом, рубашки и свитера с Мики Маусом, туфли, часы, перчатки, значки и многое другое. И уж конечно, Мики Мауса в натуральную величину, который выглядит совсем как живой. Только что сыра не ест...

БЫСТРО, БЫСТРО, ЕЩЕ БЫСТРЕЕ

Можно с уверенностью утверждать: если в рубрике занимательной информации попадается что-либо о работе почты, это очередная курьезная история о том, как некто получил письмо, отправленное пятьдесят лет назад. А то и все сто.

К проходящей в этом месяце Неделе письма мы приберегли совсем иного рода информацию. Югославские почтальоны, идя навстречу пожеланиям всех переписывающихся, провели в городе Сараеве соревнования, цель которых — показать, что идут они навстречу самым быстрым шагом. Победителями этих многолюдных, ставших уже традиционными соревнований оказались сразу двое. Это ли не свидетельство, что почтовики стремятся доставлять корреспонденцию быстро, быстро, еще быстрее!

ХАРАКТЕРИСТИКА. Журнал «Нью-Йорк мэгэзин» впервые опубликовал датированное 9 сентября 1924 года письмо почтового инспектора города Оксфорда (штат Миссисипи) М. Уэбстера. В письме говорится: «Вы сдавали в макулатуру почтовую корреспонденцию. Люди находили на свалке журналы, которые следовало опустить в их ящики. Вы не уделяли должного внимания своей работе, открывая и закрывая почту, когда Вам заблагорассудится, чтобы сыграть партию в гольф».

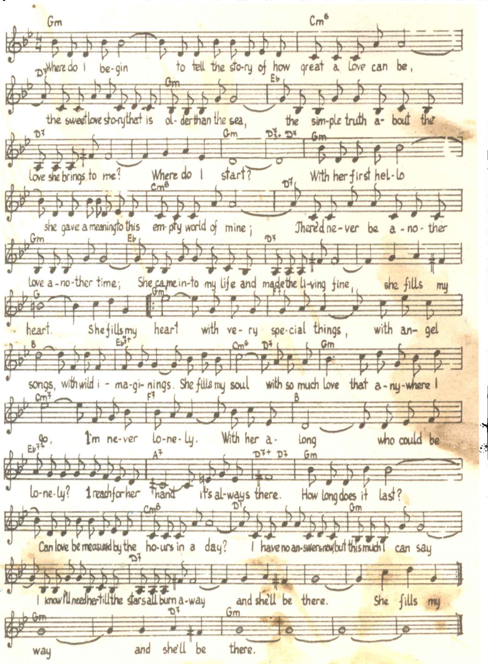
Позже выяснилось, что из нерадивого почтмейстера получился крупнейший американский писатель, лауреат Нобелевской премии и двух премий Пулитцера Уильям Фолкнер. «Вы, — с негодованием заканчивает свое письмо инспектор, — опубликовали книгу, большая часть которой была написана в служебное время».

СУЕВЕРИЯ. Через каждые 60 лет в Японии наступает так называемый «год горячей лошади». Существует поверье, что девочки, родившиеся в этот год, убьют своих мужей или вообще не смогут выйти замуж. В результате рождаемость в 1966 году понизилась по сравнению с предыдущим почти на полмиллиона, оказавшись самой низкой в современной истории. А поскольку к тому же девочек, появившихся на свет в январе и декабре 1966 года, родители регистрировали родившимися в декабре 1965 и в январе 1967 годов, во многих префектурах Японии десятки школ не имеют в этом году первых классов.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ К МУЗЫКЕ

«История любви» в американской таблице популярности песен 1972 года стоит на первом месте. К музыке, прозвучавшей в фильме того же названия, американский поэт К. Сигман написал текст. О том, какое это счастье — любить. Приходит любовь, и жизнь обретает смысл. Влюбленному нигде не одиноко...

За музыку к фильму «История любви» французский композитор Франсис Лей получил премию Американской академии кино «Оскар», уже вторую. Первого «Оскара» принесла ему музыка к «Мужчине и женщине». Родился Лей в 1926 году в Ницце в семье виноградарей. Первые уроки музыки брал у кузена — аккордеониста. После переезда в Париж Лей приобретает известность. Его песни исполняют такие певцы, как Жюльетт Греко. Затем происходит встреча, решившая многое в его творческой судьбе: он становится аккомпаниатором Эдит Пиаф, для которой пишет несколько песен. Всего их у него свыше четырехсот. В новом фильме Лелуша, для которого Лей пишет сейчас музыку, он будет выступать и как актер.

ДЕТИ — ДЕТЯМ

Пять лет назад в Лондоне был создан первый детский театр. Главная особенность его в том, что он не только театр для детей, но и театр детей. Руководит им американка Клэр Эш, которой помогают несколько родителей и молодых учителей, все остальное — детское творчество. Дети от 7 до 12 лет сами выбирают пьесу, сами шьют костюмы, накладывают грим, наконец, играют на сцене. Репетиции проходят по субботам и во время школьных каникул. Недавно дети показали сверстникам спектакль «Том Сойер».

О КОМ НЕ ГОВОРЯТ, НЕ ПИШУТ...

Было время, о ней писали обильно и постоянно. Из интервью выяснилось, что девушка эта понятия не имеет, где находится Вьетнам и что там происходит, а также что ей никогда не доводилось слышать, кто такой Гитлер.

Конечно, не из-за глубины ее познаний бегали репортеры за девушкой, а по той причине, что мода сделала ее имя, ее фигуру, образ символом. Речь идет о Твигги. «Женщина - подросток», «женщина - соломинка», «женщина - кризис» — рекламировали ее лихие журналистские клише. Легкая промышленность, кино, телевидение, медицина откликнулись на новинку с хорошо оплаченной готовностью. Бедные женщины мужеством и голодными обмороками.

С тех пор прошло каких-то четыре-пять лет. О Твигги вспоминают редко — с улыбкой и некоторой ностальгией...

ТАИНСТВЕННЫЙ САД

В высокой старой стене, что на улице Роял Хоспитал Роуд, есть неприметная зеленая дверца, которая ведет в сад, с виду похожий на ботанический. Мало кто из лондонцев знает, что там. Известно только, что он называется «Медицинский». В этом саду более 4,5 тысячи видов растений, которые используются в медицине. Студенты, ботаники, фармацевты проходят здесь практику, а клубы юных натуралистов — на снимке школьники вылавливают в пруду тритонов для опытов — раз в неделю проводят свои занятия.

В этом году по случаю 300-летия сада тысячи посетителей, которых в течение двух дней будут пускать туда на экскурсию, увидят, наконец, что происходит за таинственной зеленой дверцей.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОЦЦУОЛИ

На прошедшем VIII Международном кинофестивале в Москве был показан фильм Артура Хиллера «Человек из Ламанчи» по одноименному мюзиклу, обошедшему многие сцены мира. В роли Дон-Кихота снимался известный американский актер Питер О'Тул, Дульсинею играла Софи Лорен. Мы перепечатываем отрывок из интервью, которое актриса дала румынскому журналу «Флакэра» в связи с выходом на экран «Человека из Ламанчи».

Корреспондент: Что вы думаете об этом фильме?

Софи Лорен: Мне он нравится. Но вообще я против чрезмерного увлечения экранизацией произведений и их осовремениванием. Есть произведения, с которыми это просто нельзя делать. Я, к примеру, с большой настороженностью жду выхода на экран «Божественной комедии» режиссера Дзефирелли.

Корреспондент: Я знаю литераторов, которые преподнесут вам цветы за подобное заявление. Но вернемся к «Дон-Кихоту». Что, по-вашему, представляет собой Артур Хиллер как режиссер?

Софи Лорен: Меня поразило, с какой легкостью он перешел от имевшей «слезоточивый» успех «Истории любви» к классике. Надо сказать, что мне ни разу не хотелось заплакать, когда я смотрела «Историю любви», хотя не могу сказать, что я не сентиментальна.

Корреспондент: В каких же случаях проявляется ваша сентиментальность?

Софи Лорен: Время от времени я возвращаюсь в село, где провела детство, в Поццуоли, и ищу там деревья, на которых я нацарапала буквы и знаки, когда была еще маленькой. Это большая радость знать, что они сохранились. Я не хочу забывать, откуда я родом. Есть вещи, которые нельзя забывать.

Корреспондент: Мы несколько уклонились от темы. Итак, «Дон-Кихот», вернее, Питер О'Тул, который был вашим партнером. Многие считают его гениальным актером, но человек он, говорят, очень тяжелый, а на съемках просто сумасшедший.

Софи Лорен: Да, мне так в свое время и говорили о Питере: «Тебе не повезло, он сумасшедший». Но я не из пугливых, тем более что у меня есть опыт работы с тяжелым партнером — Марлоном Брандо. И верите ли, Питер оказался прекрасным партнером. Сколько у него фантазии! Невозможно угнаться за ней. И если для любой в мире роли можно найти по меньшей мере пять-шесть подходящих актеров, то Дон-Кихота может играть только Питер О'Тул.

Корреспондент: Какие у вас ближайшие планы?

Софи Лорен: Через два месяца у меня начнутся съемки с Де Сика. Это опять будет комедия нравов, правда, на этот раз без Мастроянни, моего постоянного партнера в стольких фильмах.

ПУТЕШЕСТВИЯ. Двое молодых американцев отправились на каноэ через Атлантический океан. В это длительное и опасное путешествие они взяли провизию, рассчитанную на 60 дней, радиостанцию с питанием от ручной динамо-машины и почтового голубя.

В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ. Двое парижских бродяг — из той еще не исчезнувшей породы, что щеголяют в нательных тулупах, бородах, космах и огромных темных очках, — наткнулись в пригороде столицы на пустой домик. Наконец-то они смогли вкусить от долгожданной райской жизни: в кухне полно продуктов, постели мягкие, в подвале запасы первоклассного шампанского. Рай длился три дня и три ночи: на четвертый разнежившихся бродяг арестовала полиция. Заброшенное прибежище оказалось сельским домиком Ротшильда.

ВСЕ УШЛИ НА КРИКЕТ

Крикет на островах Карибского моря — дело серьезное. Когда идет матч с командой из другой страны, почти половину служащих на полдня отпускают с работы, ибо толку от них в этот день все равно мало.

«Из-за увлечения крикетом страдает наша экономика», — бьет в набат газета «Тринидад экспресс». Доказательства? Пожалуйста! Случилось так, что в период засухи вышла из строя водопроводная сеть. Управление по водоснабжению в этой связи заявило: «Все смотрят крикет, и до понедельника сделать ничего нельзя». Дни, когда в Вест-Индии проводятся ответственные матчи, превращаются в национальные праздники. Включены все громкоговорители, работают приемники и транзисторы.

Крикету, можно сказать, «все возрасты покорны». Ребята гоняют мяч на улицах, не всегда прекращая игру для того, чтобы пропустить машину. Биту, кожаный мяч из пробковых опилок и спицы крикетных ворот им заменяют палка, тряпичный мяч, набитый чем попало, и камни. Люди более солидного возраста, играющие на ухоженном крикетном поле, тоже в свое время начинали с мостовой.

ЦЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ ФИЛЬМАХ VIII МОСКОВСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ

Они жили в одном городке, они родились в один день, они были наречены одним именем, они умерли в один день, день своего восемнадцатилетия. Первый был сыном богача, второй — обитателем трущоб, а третий — бунтующим студентом.

История трех Викторино рассказана в фильме венесуэльского режиссера Маурисио Валерстейна, перенесшего на экран известный и у нас роман Мигеля Отеро Сильвы «Когда хочется плакать — не плачу». Фильм этот демонстрировался летом на VIII Московском международном фестивале...

Попытки обозреть весь фестивальный репертуар в одной пусть даже большой статье неоднократно предпринимались и ни к чему хорошему не приводили. Слишком много слишком разнородных фильмов. Поэтому попробуем воспользоваться приемом, подсказанным фильмом «Когда хочется плакать — не плачу», и свести вместе четыре — всего четыре — кинокартины из общей фестивальной программы.

На первый взгляд картины эти не связаны ничем: ни национальной принадлежностью, ни временем действия, ни сходством тем или манер. Один из фильмов поставлен режиссером с мировым именем, другой — начинающим кинематографистом, разве что возраст главных героев сопоставим — их всех можно назвать молодыми. Но, приглядевшись повнимательней, мы, пожалуй, найдем мостики, соединяющие венесуэльскую, японскую, американскую и австралийскую ленты, а к ним нетрудно прибавить и еще многие...

Самые молодые по возрасту герои предстают перед нами в работе японского режиссера Тадаси Имаи «Юные морские пехотинцы».

Все, наверное, слышали о печально известных «камикадзе», живых торпедах. Очень трудно представить себе душевный настрой этих молодых людей, которых заранее готовили не к борьбе, не к сражениям, а к одному-единственному боевому вылету, к немедленной и «почетной» гибели. На войне смерть часто неизбежна, но обречена та армия, полководцы которой цинично, не тревожась о «малой крови», бросают солдат в мясорубку.

Правда, «Юные морские пехотинцы» — картина не о камикадзе. Обычное пехотное училище, куда пришли учиться обычные пятнадцатилетние мальчишки... И не какие-нибудь самурайские сынки, нет, это крестьянские дети, дети городских низов. Однако они пришли сюда добровольно, зачастую против воли родителей. Их стриженые головы задурманены шовинистической пропагандой, но есть и более основательная причина: учеба за государственный счет — большое облегчение для семей; курсанты даже могут посылать домой нищенские три иены в месяц.

У каждого парнишки свои представления о жизни, свои связи с родными и близкими, но все они подвергаются обработке жестокой военной машиной, готовящей одинаково мыслящих, одинаково настроенных, умелых и смелых солдат. В училище функционирует сложная система физической и, главным образом, психологической подготовки, поэтому лучшие, мыслящие педагоги оказываются не у дел. Особенно любопытна в фильме фигура унтер-офицера — воспитателя. Фигура алчная. Он избивает своих подопечных, но по-своему и любит их, он растаптывает в юных душах человеческое достоинство, но и вникает в их переживания, он учит их быть беспощадными даже по отношению к товарищу по взводу, но тайком подкладывает деньги в конверты, которые они отсылают матерям. Этакий заботливый отец, воспитывающий смертника-камикадзе. Да, эти ребята, в сущности, — смертники, ведь идет последний год войны, поражение Японии очевидно, так что ничто не поможет оправдать тех, кто бросает в бой пятнадцатилетних юнцов, как делали тогда же и гитлеровцы. Но самое страшное: мальчишки сами хотят умереть, они не могут представить другого исхода, другой жизни, другой Японии. Тщетна попытка одного из офицеров спасти хотя бы некоторых. Для командования их жизнь не стоит ровным счетом ничего, ничего она не стоит и в их собственных глазах... Вот когда сказывается воспитание.

Однако фильм поставлен не для того, чтобы воспеть слепую силу духа японского солдата. Наоборот. Он похож на речь прокурора, требующего наказания за непростительное, непоправимое, но не списанное за давностью лет преступление. Фильм скорбит о судьбе этих ребят...

Если не брать в расчет участников войны, то большинство людей вряд ли за свою жизнь увидит настоящий выстрел по живому человеку. Но нет такого кино- или телезрителя, который бы не видел, как это делается на экране: как падают расстрелянные шеренги заложников, как рвутся бомбы в городских кварталах и горят жарким напалмовым огнем бамбуковые хижины. Речь не об античеловеческом «искусстве», прославляющем насилие; если фильмы Московского фестиваля, вынесшего слово «гуманизм» в свой девиз, показывают убийство, то они протестуют против него. Но каждый раз, когда мы видим на экране смерть, мы должны ответить себе на три вопроса: во имя чего умирают эти люди, во имя чего убивают эти люди, во имя чего нам все это показывают...

Из 45-го года вернемся в современность, к фильму, с которого мы начали. Итак, умирают три молодых венесуэльца, каждый из которых был лишь немногим старше «морских пехотинцев». Но в отличие от японских юношей никто из троих не хотел умирать, хотя двое знали, что дело может кончиться плохо. Никто из троих не хотел убивать, но опять-таки двое стреляли: один потому, что жизнь в трущобах превратила его в бандита, другой — обороняясь от полицейских, которые сладострастно уничтожили группу левацки настроенных студентов, убежденных, что истинно революционный путь — в ограблении банка, ограблении, прикрытом словом «экспроприация». Третий... В третьего не стрелял никто, и сам он, хотя и развлекался с друзьями, устроив «сафари» на ни в чем не повинных собачек, никого из людей не убивал. Он прожил свои восемнадцать лет в условиях вседозволенности, разврата, гнусных издевательств над всеми, кто не мог противостоять деньгам и власти его папаши, и разбился на подаренном ему в день рождения роскошном спортивном автомобиле...

Кто виноват в их смерти? Не сами ли они? Один бежал из тюрьмы и ограбил ювелирный магазин, другой напал на банк, третий мчался с сумасшедшей скоростью... Может быть, не стоит плакать над их участью? Но почему же тогда «хочется плакать»?

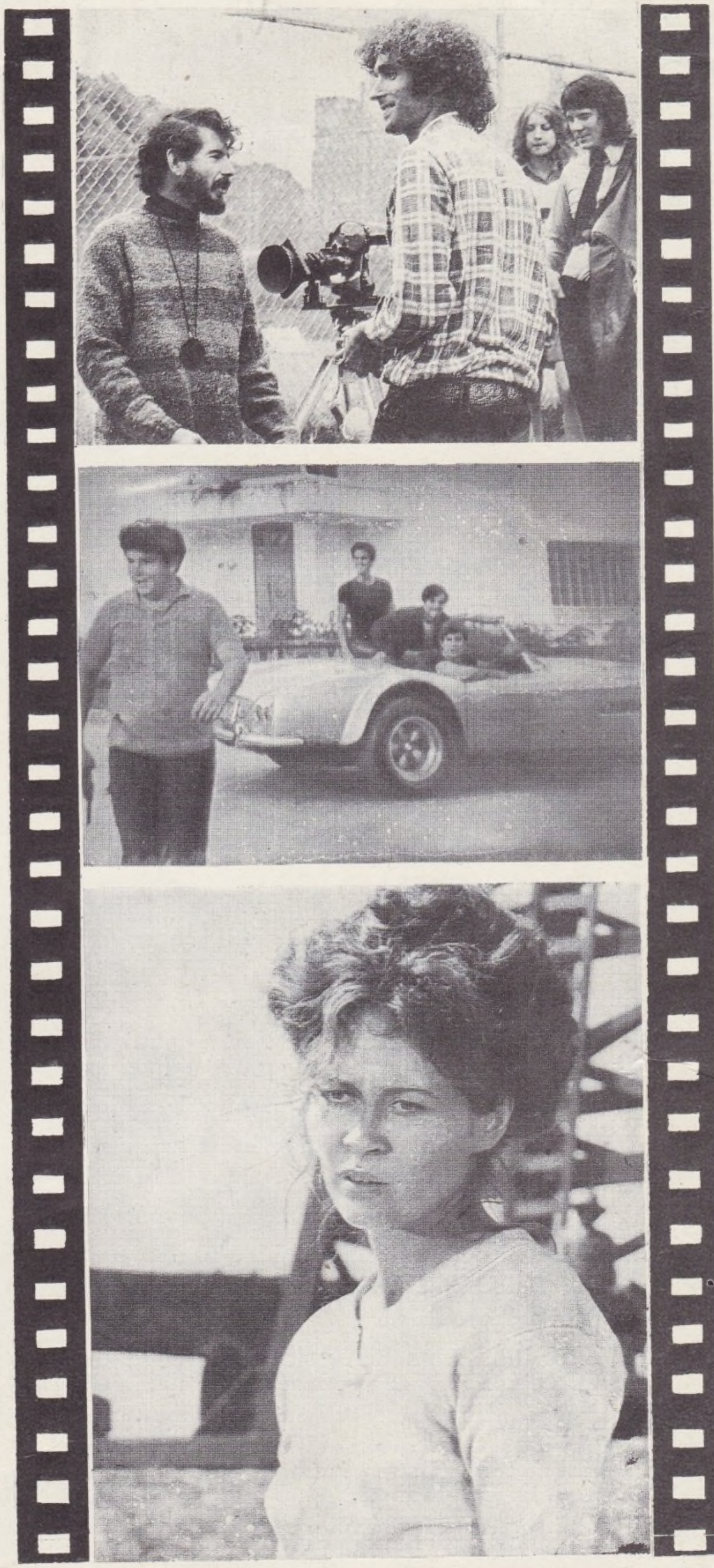
Казалось бы, заданная сюжетная расстановка — три смерти в один день. Но произведение убеждает: все три смерти не случайность. Трех Викторино убило общество, недаром начальные титры фильма идут на документальных снимках, запечатлевших правление одного из реакционных президентов страны: разгон демонстраций, самодовольные рыла диктаторов, распродажа национальных богатств...

Из трех Викторино, конечно, наибольшие и авторские, и зрительские симпатии на стороне студента — он-то искренне считал, что поступает правильно, он исходил из благородных побуждений. Но авторы не собираются прославлять его ненужный трагический героизм, его бессмысленную жертвенность. Его жизнь, его силы пригодились бы для той же революции. Для понимания фильма очень важен разговор Викторино с отцом-коммунистом, который, к сожалению, так и не смог убедить сына, что путь, избранный им и его друзьями, ложен, что ведет он не к революции, а от революции.

Действие фильма Стенли Крамера «Оклахома, как она есть» происходит в начале века, но фильм современен, и о судьбе молодой женщины Лены Дойл тоже «хочется плакать».

Лена владеет выжженным холмом, под которым, по ее предположениям, находятся богатые залежи нефти; она бурит скважину, чтобы фонтан этой драгоценной жидкости, собственный фонтан, принес ей богатство и независимость. Но на пути Лены стоит могущественная нефтяная компания, которая хочет прибрать к рукам и участок Лены. Фильм построен на неравной, жестокой, доходящей до применения «лимонок» борьбе одной женщины и двух мужчин с целым взводом наемных снайперов, пытающихся силой отобрать у Лены ту самую «священную» частную собственность, которую так уважают в странах капитала.

На снимках: эпизод съемок фильма «Служебный пикник» (Австралия); кадр из фильма «Когда хочется плакать — не плачу» (Венесуэла); героиня фильма «Оклахома, как она есть» (США).

Героиня «Оклахомы» в отличие от героев предыдущих фильмов останется в живых, хотя ее и пытаются убить. Но почему-то, когда я смотрел этот фильм, мне все время виделось лицо актрисы Фэй Данэвей в тот момент, когда другая ее героиня, из другого, уже не фестивального, фильма вываливается из автомобиля, прошитая автоматными очередями. Фильм назывался «Бонни и Клайд», по имени двух реально существовавших гангстеров. Прошлое Лены Дойл скрыто автором. Откуда взялись ее ожесточение, озлобленность на весь мир, готовность стрелять даже в родного отца? Не оставшаяся ли в живых Бонни решила вместо ограбления банков попытать удачи в «честном» предпринимательстве? Лена — хищница, которая ни в чем не уступает своим преследователям, которая способна отплатить им той же монетой, хотя в глубине ее души еще сохранились искорки человечности. Но ведь и гангстерица Бонни была не бесталанным существом, она даже писала стихи.

Кто виноват, что две героини Фэй Данэвей стали такими, «как они есть», что Бонни грабит, а Лена убивает свою молодость на этой проклятой вышке? Во имя чего? Ведь чтобы ставить жизнь на карту, надо иметь мечту, цель, пусть даже самую примитивную. Деньги? Да, непосредственная цель — деньги... Общество не может предложить молодым людям ничего кроме, а потому, если хочешь сделать жизнь интереснее, вырваться из унылой обыденности, стреляй и бросай гранаты.

Литература и кино на Западе часто делают своим героем рыцаря «первоначального накопления», конкистадора и авантюриста, который в поисках существующих и несуществующих кладов обошел когда-то весь земной шар. Но в двадцатом веке стало труднее растаскивать сокровища ацтеков или торговать рабами. А романтики-то хочется. Что же предлагается взамен?

Обратимся еще к одному фестивальному, на этот раз австралийскому фильму «Служебный пикник». Здесь никто не грабит, не стреляет, не убивает. Скучные будни небольшой деловой конторки, в которой изнывают от скуки машинистки и клерки. Они флиртуют, играют в карты, заклеивают себе рты липкой лентой, словом, убивают время, отсиживая положенные часы на службе, которая не дает им никакого удовлетворения, никакой радости...

Один из симпатичных молодых людей и новенькая телефонистка исчезают во время коллективного выезда за город; поиски пропавших ни к чему не приводят. Мы так и не узнаем, куда делись юноша и девушка. Но ответить на вопрос, почему они это сделали, нетрудно. Фильм, во многом еще неумелый, весьма убедительно показал, от какой жизни, от какой тоски они сбежали. А может, и не сбежали, может, погибли? Вряд ли. Скорее всего они отправились искать все ту же отсутствующую романтику. Кто знает, не приведет ли их этот побег на дорожку Бонни и Клайда, не покажется ли им в один прекрасный день, что грабить банки занятнее, чем корпеть над деловыми бумагами? Возможно, что сам режиссер ничего подобного не имел в виду, эта мысль появляется лишь по ассоциации с другими картинами, но появляется она неизбежно.

Упомянутые фильмы отнюдь не пессимистичны, хотя бы с точки зрения позиции авторов, критикующих ту действительность, которую они изобразили. Но есть ведь на свете и иная жизнь, есть и другие молодые люди, которые борются за честь и достоинство человека, для которых чужая человеческая жизнь имеет истинную цену, а не трижды девальвирована, которые если рискуют своей жизнью, то во имя таких, к примеру, целей, как покорение космоса, а если и берут в руки оружие, то для борьбы за освобождение народа. Но изображение таких героев — удел других художников и других картин. И это тема для особого разговора...

Всеволод РЕВИЧ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, В. П. МОШНЯГА, Б. К. ПУГО, Б. А. СЕНЬКИН, А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь), С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Худож. редактор О. С. Александрова
Оформление В. Д. Грызлова
Техн. редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-57-20. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 22/VIII 1973 г. Подп. к печ. 21/IX 1973 г. А00559. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 400 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1604.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Странный сон

Популярная в Канаде и США песня Эд. Мак-Карди «Странный сон» входит в репертуар известных американских прогрессивных певцов Пегги Сигер и Гая Каравэна. Русский текст к ней написал Самуил Яковлевич Маршак.

STRANGEST DREAM

And when that paper was all signed,
And a million copies made,
They all joined hands and bowed their heads,
And grateful prayers were prayed.

And people in the street below
Were dancing round and round.
And guns and swords and uniforms
Lay scattered on the ground.

Вчера я видел странный сон.
Увидел я во сне,
Что на земле вопрос решен:
Вовек не быть войне!

Мне снился зал, огромный зал.
Людей не сосчитать.
И каждый клятву подписал:
— Не быть войне опять!

Оттиснув тысячи страниц
С листа, где поклялись,
Мы головы склонили ниц
И за руки взялись.

А там, на улицах, народ
В гирляндах и венках
Водил веселый хоровод
На брошенных штыках.

Вчера мне снился странный сон.
Увидел я во сне,
Что люди приняли закон:
Вовек не быть войне!

Цена 20 коп.
Индекс 70781